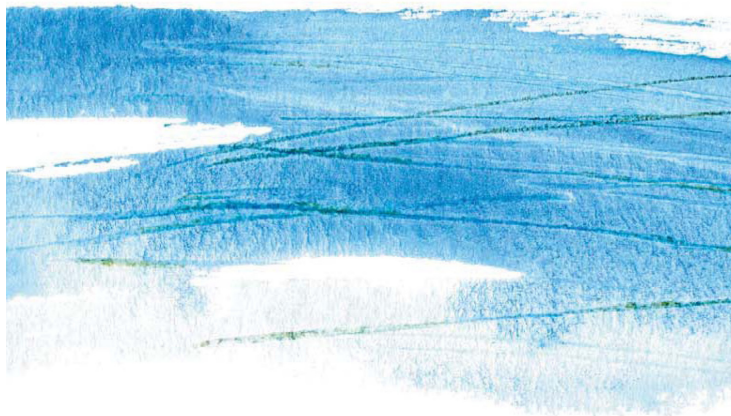

ПАЛОМНИК

Страницы европейской поэзии XIV – XX веков

в переводах лауреата Государственной премии России

Александра Ревича

Сборник стихов
Паломник. Страницы
европейской поэзии
XIV – XX веков

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36966648

Паломник: Страницы европейской поэзии XIV—XX веков:

ISBN 978-5-480-00140-2

Аннотация

Лучшие образцы европейской поэзии XIV–XX веков. Книга удостоена премии «Мастер» Российской гильдии переводчиков как лучший перевод поэзии в 2007 году. Переводчик – лауреат Государственной премии РФ Александр Ревич.

Содержание

От переводчика	9
Из итальянской поэзии	19
Франческо Петрарка	19
«Сердца влюблённых с беспощадной силой...»	19
«Но если поражён я нежным оком...»	20
«Амур, природа, вкупе со смиренной...»	20
«Вот птица Феникс в перьях из огня...»	21
«Когда б Гомер великий и Вергилий...»	22
«О солнце, ты и в стужу светишь нам...»	23
«Забвенья груз влача в промозглый мрак...»	24
«Свет вечной жизни – лицезренье Бога...»	24
«Амур, ты светоч славы яснолицей...»	25
«Вкушает пищу разум мой такую...»	26
«Любимого дыханья благодать...»	27
«В листве зелёной шелестит весна...»	28
«Дохнул в лицо прохладой лавр прекрасный...»	28
«Колеблет ветер, солнце освещает...»	29
«О, эта обнаженная рука...»	30
«Судьба смягчилась, наградив меня...»	31
«Из недр прозрачных дива ледяного...»	31

«Но я горю огнём на самом деле...»	32
«Душа моя, которая готова...»	33
«Как сладки примиренье и разлад...»	34
«С альпийских круч ты устремляешь воды...»	35
«От Эбро и до гангского истока...»	35
«Хлысту любви я должен покориться...»	36
«Во сне я счастлив, радуюсь тоске...»	37
«Такой небесный дар – столь редкий случай...»	38
«Какое наваждение, чей увет...»	39
««О донны, почему, сходясь в часы бесед...»	39
«О, если бы я мог обрушить гнев...»	40
«Прекрасные черты, предел моих желаний...»	41
«Искрились ясных глаз живые свечи...»	42
«Она жила во мне, она была жива...»	43
«Что делать с мыслями? Бывало, всякий раз...»	43
«Я прежде склонен был во всем себя винить...»	44
«Где ясное лицо, чей взгляд мне был приказом...»	45
Из испанской поэзии	47
Из «Романсеро»*	47

Романсы о короле Родриго	47
«Говорят, влюблён Родриго...»	51
Романсы о короле доне Педро Жестоком	59
Из поэзии Далмации*	77
Петр Гекторович	77
Рыбная ловля и рыбацкие присказки	77
Никола Налешкович	80
«Как можешь примириться...»	80
Никола Димитрович	82
«Строка, ты крылата, лети же к Николе...»	82
Динко Ранина	87
«Не вижу я счастья в именье богатом...»	87
Юрий Баракович	89
Славянская муза	89
Доминко Златарич	92
«Сегодня тает снег, проснулся мир растений...»	92
Паское Примович	93
«Фигли строила ты двум молодцам в сутанах...»	93
«Фра Мартин зазвонил в свои колокола...»	93
Хорацие Мажибрадич	95
С острова Млет	95
Иван Гундулич	96
«В деревцах кудрявых ветры зашумели...»	96
Из французской поэзии	97

Бонавантюр Деперье	97
Любовь	97
Пьер де Ронсар	99
Кот	99
Из сонетов к Елене	105
«Иные, сбросив плоть свою...»	106
Гийом дю Бартас	108
Из поэмы «Неделя, или Сотворение мира»	108
Теодор Агриппа д'Обинье	112
«О, сжальтесь, небеса, избавьте от напасти...»	112
«Ронсар! Ты щедрым был, ты столько дал другим...»	113
«В неровных бороздах убогие ростки...»	113
«Рыдания горестные, вздох печали...»	114
«На строгий суд любви, когда меня не станет...»	115
«Ни молния, ни зной не тронут стебелька...»	116
«Осточертело мне транжирить мой досуг...»	117
Утренняя молитва	117
Из «Трагических поэм»	119
Франсуа де Малерб	181
Молитва за короля, отбывающего в Лимузен*	181

Паломник: Страницы европейской поэзии XIV–XX веков

© А. М. Ревич, переводы, 2007

© ООО «Издательство «Этерна», оформление, 2007

* * *

От переводчика

В 1931 году стихотворение, посвященное Борису Пильняку, Борис Пастернак закончил такими строками:

Напрасно в дни великого совета,
Где высшей страсти отданы места,
Оставлена вакансия поэта,
Она опасна, если не пуста.

Это было написано задолго до катастрофы 1937 года, когда погибло много талантливых писателей и адресат процитированных стихов – Борис Пильняк. Пастернак как истинный поэт пророчески предугадал трагедию и написал стихи, а Маяковский застрелился, зачеркивая идею «социального заказа».

Подлинная поэзия не пишется на заданную тему, чего требовали принципы «партийности литературы». Неспособные встраиваться в конъюнктуру, хвататься за злободневность вынуждены были прикрыться высокой непререкаемой культурой и уйти в перевод. Так родилась уникальная школа художественного перевода – русская, которую до недавнего времени называли «советской». Крупные поэты эмигрировали в перевод: А. Ахматова, М. Лозинский, Г. Шенгели, Н. Заболоцкий, вернувшаяся из эмиграции М. Цветаева. Ушел

в перевод и Б. Пастернак, в результате чего появились на русском языке Шекспир, Гёте, Байрон, Верлен и Николоз Бараташвили. Благодаря переводу поэты, «несозвучные эпохе», сохранили связь со «звучащим» словом и могли учиться на переводимых гениях.

Бесспорно, многие тяготились ролью переводчика. Арсений Тарковский писал: «Ах, восточные переводы, / Как болит от вас голова!..», но, впрочем, печатал лучшее из своих переводов в одномотниках и многотомниках.

Предваряя свою поэтическую книгу «Чаша», я написал: «Раздел переводов включен в издание не потому, что автор решил показать себя мастером этого жанра, а затем, что считает перевод неотъемлемым от всего его творчества». В статье о моей поэзии поэт В. Леонович пишет: «Ревич стер разницу между понятиями поэт и переводчик».

Переводя, можно многому научиться – и не только формальному, технике. Учиться можно духу и сознанию. Замечательный мастер перевода и один из моих учителей Сергей Васильевич Шервинский однажды заметил, что влияние поэтов русских опасно – можно стать подражателем, а учиться у иноязычных безопасно, можно многое у них заимствовать безнаказанно.

Как поучительны для меня оказались переводимые поэты, особенно такие, которые писали сонеты, октавы, французские баллады, терцины. Эта работа хорошо набила руку и приучила к строгости в языке. И в поэтике тоже. Наиболь-

шее влияние я испытал, переводя таких поэтов, как Константин Ильдефонс Галчинский, Поль Верлен и особенно Теодор Агриппа д'Обинье. Уже завершив многолетнюю работу над переводом «Трагических поэм» Агриппы, я с удивлением заметил, как изменился за эти годы мой почерк: был острый, стал округлый. Неужели изменился и характер? В дальнейшем я убедился и в этом. Однажды мне попался на глаза автограф страницы из поэм д'Обинье: мой русский почерк стал походить на старофранцузскую вязь переводимого поэта. Долго не мог прийти в себя. Д'Обинье не только расширил мой стилистический мир, но внедрил в меня свой мир. Вскоре я написал венок сонетов «От переводчика «Трагических поэм» Агриппы д'Обинье», который стал стихотворным предисловием к их изданию и в свою очередь дополнил ряд моих собственных произведений. Эстетическая планка была поднята. Вспоминается разговор с поэтом Евгением Рейном, который упрекнул автора этих записок, что тот, дескать, тратит слишком много сил, крови и времени на перевод чужого поэта. Я ответил, что перевод поэта такого уровня, как Агриппа, поднимает на такую духовную высоту, какая и не снилась всем нашим знаменитым современникам.

Относительно молодым я подпал под странное обаяние стихов поляка К. И. Галчинского. Несколько лет переводил его стихи и вдруг обнаружил, что невольно перенимаю многие принципы его поэзии: беспредельность поэтической свободы, когда всё идет в пищу, бесцеремонно интимное обра-

щение со всем, что составляет мир. Спустя несколько лет я посвятил покойному поэту и его вдове Наталии, с которой мы подружились, «Поэму о позднем прощании». Семья Галчинского жила в Варшаве на улице Аллея Роз, где, согласно поэме А. Блока «Возмездие», умирал в больнице отец Блока, Александр Львович. Подсознательно образ Блока и метель того далекого года всплыли в мою поэму. Когда я прочел ее в квартире Галчинских хозяйке дома и нашим общим друзьям Загурским, поэту Ежи и его супруге Марине, Наталия подвела меня к окну и указала на пустырь через улицу от их дома. И тихо сказала: «На этом месте стояла больница, где умер отец Блока». Жизнь поэзии пронизана мистикой, и перевод поэзии – тоже.

От Наталии я узнал, как плакал Галчинский, когда ему не удавалось перевести «Незнакомку» Блока. Он остро чувствовал музыкальный тон блоковской дактилической рифмы (ресторанами – пьяными; переулочной – булочной... и т. д.). Еще бы не плакать: в польской просодии и самой структуре языка дактилическое окончание невозможно. Такое болезненное отношение к переводу может возникнуть только у настоящего переводчика, который и есть поэт. В этом случае всё играет роль, и звук подлинника в том числе. Не то, что в работе «доноров», дотягивающих непоэзию до подобия поэзии.

Переводя стихи Верлена, я ощутил его глубинное родство с поэзией Пастернака, недаром тот так охотно перево-

дил Верлена и написал потрясающее эссе о нем. Однажды я обнаружил, что название пастернаковской книги «Сестра моя жизнь» совпадает со строкой из одного верленовского стихотворения: «Пусть жизнь горька, она твоя сестра», что в свою очередь заимствовано у Блаженного Августина. Переводы стихов Верлена, выполненные Пастернаком, подчас формально неточные, однако весьма соответствуют сути и духу Верлена, такие она верленовские. Перевод, названный «Хандра», и переводом не назовешь. Просто стихи Пастернака, но в этом «непереводе» всё верленовское. Если бы Верлен писал по-русски, он именно так бы и написал. Переводя

Верлена, я сам нечаянно ловил себя на пастернаковских интонациях и словаре. Например:

Он сквозь людской водоворот
Пройдет бестрепетно. Не так ли
Завяты́й театрал идет,
На скверном отсидев спектакле?

Странно, ведь в моих собственных стихах нет сходства с поэзией Пастернака.

Как наиболее глубокое вживание в оригинал, была моя попытка перевести верленовскую «Осеннюю песнь». Двенадцать вариантов – и никакого результата. Развязка случилась во сне:

приснилась первая строка этого стихотворения и возник звук стиха, а за ним и другие строки:

Осень в надрывах
Скрипок тоскливых
Плачет навзрыд.

Нечаянно я поменял местами мужские и женские рифмы и вдруг понял, что прав. Ведь по-французски мужская рифма в этом стихотворении протяжнее. Пришло на ум: ведь так не переводят, так пишут свое.

Подобное случилось с единственным моим переводом из Гёте. Я никогда до этого не переводил немецкую поэзию. Плохо знал язык, к тому же мое военное прошлое и бытность в плену давали себя знать. Звук языка отторгало ухо. Но однажды зимой в Переделкине мы со стариком-драматургом Алексеем Михайловичем Файко и молодым Фазилом Искандером собрались вечером за столом, осушили бутылку коньяку, и Алексей Михайлович – полиглот и великий знаток поэзии – прочитал наизусть по-немецки восьмистрочное стихотворение Гёте. Я что-то уловил, стал уточнять непонятное и попросил продиктовать мне это стихотворение по-немецки. Файко прочел мою запись, исправил несколько орфографических ошибок и вернул мне листок. Пока мои друзья вели беседу и допивали очередную бутылку, я, будучи чуть-чуть под хмельком, быстро перевел стихотворение и удивился: стихи по-русски, отнюдь не по моей воле, оказались похожими на русские стихи Тютчева. Та же тональность:

Когда в бескрайности природы,
Где повторяясь все течет,
Растут бесчисленные своды,
И каждый свод врастает в свод,
Тогда звезда и червь убогий
Равны пред мощью бытия,
И мнится нам покоем в Боге
Вся мировая толчея.

Возникла мысль, что Тютчев по своему складу и вкусам близок германской литературе и особенно Гёте. Услышав мой перевод,

Файко со свойственной ему иронией сказал:

– Ах, ты, оказывается, так переводишь? А я думал – та-а-ак.

Спустя какое-то время с этим переводом познакомился крупный специалист по немецкой литературе, старый друг Пастернака, Николай Николаевич Вильям-Вильмонт. Он взвизгнул:

– Что Вы сделали! – Я испуганно спросил:

– Что? – и услышал в ответ:

– Вы перевели непере译имое! Я буду скоро составлять многотомник Гёте. Надо, чтобы Вы попробовали что-то перевести.

Я попробовал, ничего путного не получилось. Так и пошел в десятитомнике Гёте единственный мой перевод «непе-

реводимого». Чего только не сделаешь во хмелю!

А это маленькое стихотворение Гёте раскрыло мне возможности поэтической глубины и приблизило ко многому в самой русской поэзии, так же, как «Трагические поэмы», написанные кальвинистом, открыли дорогу к Вере. Так я и сказал французскому послу при Агриппой д'Обинье вручении мне премии: «Il m'a ouvert la route à la foi».¹

Все, что уже было сказано, говорит о необходимости проникновения в существо переводимого поэта. Еще до процесса перевода должно знать о поэте и его времени, о его стране и событиях жизни больше, чем содержится в историко-литературных работах. Поэт и крупный литературовед Илья Николаевич Голенищев-Кутузов говорил, что переводчик, занимаясь конкретным автором и его временем, знает несколько уже, чем историк литературы, но несравненно глубже. К тому же переводчик поэзии в высшем проявлении своего таланта переводит не только текст, но и то, что за этим текстом скрывается, то есть страну, время, атмосферу, коллизии, героев. И все это надо видеть и осязать. Но самое главное, необходимо во что бы то ни стало передать состояние автора и героев. Плакать, если они плачут, смеяться, если смешно. Произведение и его перевод должны вызывать сопереживание, душевный отклик: слезу, гнев, радость и духовное очищение, что называл Аристотель катарсисом. Перевод

¹ Здесь и далее: текст, отмеченный *, см. в Комментариях.

должен воздействовать на сознание с той же силой, как подлинник. Это и есть конгениальность. Тогда он – перевод, а не пересказ, переложение, что способен сделать ремесленник. В записках о Пастернаке я рассказал, как тот читал публично свой перевод гётевского «Фауста» и как при чтении сцены с Маргаритой в тюрьме, преодолевая рыдания, выдавил: «... не могу читать... так ее жалко». Не обладая ни отзывчивостью, ни состраданием, нельзя ни писать, ни переводить.

И еще о переводе формы, которая и есть содержание художественного произведения. В подлиннике поэмы Л. Арагона «Мадам Колетт^{*}», посвященной знаменитой французской писательнице, текст предваряет эпитафия из поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим». В переводе на французский язык это два прозаических абзаца, а в итальянском подлиннике должны быть стихи, то есть две октавы. Французы в нынешней практике стихом не переводят, считая, что проза точнее доносит смысл. Это и есть разрушение формы в угоду нехудожественному смыслу. А искусство пропадает. Звуковая природа стиха, музыкальность – главное содержание поэзии. Попробуй лишить звука музыку.

Начав переводить «Мадам Колетт», я пришел в замешательство: как переводить эпитафия? Стихом или прозой? Решил прозой, так как я переводил не Т. Тассо, а Арагона, а у того прозаический перевод. До сих пор не знаю, правильно ли я поступил. Французы и другие европейцы уже давно рационализировали поэзию и пишут свободным стихом.

Признавая возможную функциональность такой поэтики, я и в собственной поэзии давал волю свободному стиху. В настоящую книгу вошли некоторые шедевры свободного стиха: ранние стихи Арагона, Аполлинер, замечательные поляки – Т. Ружевич, Ю. Пшибось и, наконец, блистательная эпопея «Чудовищный шедевр» грека Янниса Рицоса, которого мэтр Арагон назвал одним из лучших поэтов Европы.

Александр Ревич,

Москва, 2006

Из итальянской поэзии

Франческо Петрарка 1304–1374

«Сердца влюблённых с беспощадной силой...»

Сердца влюблённых с беспощадной силой
Тревога леденит, сжигает страсть,
Тут не поймёшь, чья пагубнее власть:
Надежды, страха, стужи или пыла.

Иных бросает в жар под высью стылой,
Дрожь пробирает в зной, что за напасть!
Ведь жаждущему просто в ревность впасть
И дев считать вздыхателями милой.

Я ж обречён лишь от огня страдать
И лишь от жажды гибну ежечасно,
Слова бессильны муку передать.

О, что мне ревность! Пламя так прекрасно!

Пусть видят в нем другие благодать,
Им не взлететь к вершине – всё напрасно.

«Но если поражён я нежным оком...»

Но если поражён я нежным оком,
Но если ранят сладкие слова,
Но если ей любовь дала права
Дарить мне свет улыбки ненароком,

Что ждёт меня, когда, казнимый роком,
Лишусь я снисхожденья божества,
В чьём взоре милость теплится едва?
Неужто смерть приму в огне жестоком?

Чуть омрачён моей любимой лик,
Весь трепещу, и сердце холодеет,
Страшусь примеров давних каждый миг,

И этих страхов разум не развеет.
Я женскую изменчивость постиг:
Любовь недолго женщиной владеет.

«Амур, природа, вкупе со смиренной...»

Амур, природа, вкупе со смиренной
Душой, чья добродетель правит мной,
Вступили в сговор за моей спиной:
Амур грозит мне мукой неизменной,

В сетях природы, в оболочке брэнной,
Столь нежной, чтобы справиться с судьбой,
Душа любимой, прах стряхнув земной,
Уже от жизни отеклась презренной.

Готовится душа отринуть плоть,
Чьи очертанья были так прекрасны,
Являя средоточье красоты.

Нет, милосердью смерть не побороть.
И если так – надежды все напрасны
И безнадежны все мои мечты.

«Вот птица Феникс в перьях из огня...»

Вот птица Феникс в перьях из огня,
И этих ожерелий позолота
На белой шее – силой приворота
Чарует всех, мой бедный дух казня.

Лучи её венца как светоч дня,
Амур в стекло их ловит, как в тенёта,

Сочится пламя струйкой водомёта
И даже в лютый холод жжёт меня.

Окутал пурпур царственные плечи,
С лазурной оторочкою убор,
Усыпанный пунцовыми цветами.

Уносит слава далеко-далече,
К богатым недрам аравийских гор
Сокровище, парящее над нами.

«Когда б Гомер великий и Вергилий...»

Когда б Гомер великий и Вергилий
Узрели ту, что ярче всех светил,
Её воспели б, не жалея сил,
В единый стиль свои сливая стили,

Энея бы хвалою обделили,
Померк бы Одиссей и сам Ахилл,
И тот, кто пятьдесят шесть лет царил^{*},
И тот, кого в Микенах погубили.^{*}

Сей доблести и древней мощи цвет
Теперь обрёл ещё одно светило,
Где чистота в единстве с красотой.

Блеск древней славы Эннием^{*} воспет,
А я – о новой. Только б не претила
Ей похвала моя, мой дар простой.

«О солнце, ты и в стужу светишь нам...»

О солнце, ты и в стужу светишь нам,
Тебе была любезна эта крона
С листвой, зелёной, как во время оно,
Когда впервые встретил зло Адам.

Взгляни сюда. Склонись к моим мольбам,
Не уходи, светило, с небосклона,
Продли своё сиянье благосклонно,
Желанный вид являй моим глазам:

Я вижу холм и тень его косую,
На тихий мой огонь она легла,
На пышный лавр, он был тростинкой малой,

Но тень растёт, покуда я толкую,
Заветный дол уже заволокла,
Где госпожа живёт в душе усталой.

«Забвенья груз влача в промозглый мрак...»

Забвенья груз влача в промозглый мрак,
Ладья моя блуждает в океане
Меж Сциллой и Харибдой, как в капкане,
А кормчий – господин мой, нет! – мой враг.

На вёслах – думы. Сладить с ними как?
Бунтуют, позабыв об урагане.
Извечный вихрь страстей и упований
Ветрила рвёт в пылу своих атак.

Под ливнем слёз, во мгле моей досады
Сплетённая из неразумья снасть
Вся вымокла: канаты как мочала.

Два огонька погасли, две отрады,
Уменье гибнет, разуму пропасть.
Боюсь, не дотянуть мне до причала.

«Свет вечной жизни – лицезренье Бога...»

Свет вечной жизни – лицезренье Бога,
Не пожелаешь никаких прикрас,
Так счастлив я, Мадонна, видя вас,
Притом что жизнь – лишь краткая дорога.

Как никогда, прекрасны вы, коль строго,
Коль беспристрастно судит этот глаз.
Как сладок моего блаженства час,
В сравненье с коим и мечта убога.

Он пролетит – и это не беда.
Чего желать? Кого-то кормят звуки,
Кого – растений сладкий аромат,

Кого живит огонь, кого – вода,
А мне от них ни радости, ни муки,
Мне образ ваш дороже всех улад.

«Амур, ты светоч славы яснолицей...»

Амур, ты светоч славы яснолицей,
Той, что царит над естеством земным,
В неё струится небо, а засим
Она сама дарует свет сторицей.

Взгляни, какой одета багрянницей,
Каким узором блещет золотым,

Стопы и взор направля к тем крутым
Холмам, поросшим частой медуницей.

И зелень трав, и пёстрые цветы
Под сенью тёмной падуба густого
Стопам прекрасным стелют свой ковёр,

И даже ночь сияет с высоты
И вспыхнуть всеми искрами готова,
Чтоб отразить сей лучезарный взор.

«Вкушает пищу разум мой такую...»

Вкушает пищу разум мой такую,
Что и нектар меня бы не привлёк,
Река забвенья в душу льёт поток,
Лишь лицезренья красоты взыскую.

Слова моей возлюбленной смакую,
Записываю в сердце чернью строк,
Для воздыханий нахожу предлог,
При этом сладость чувствую двойную!

Так эта речь волшебная нежна,
Звучит подобьем райских песнопений,
О этот голос – чудо из чудес!

В пространстве малом явлено сполна,
Сколь всемогущи мастерство и гений
Природы животворной и небес.

«Любимого дыханья благодать...»

Любимого дыханья благодать
Живит пригорки, рощи и поляны,
Зефир знакомый, нежный, мой желанный,
Возвыситься велит мне и страдать.

Спешу сюда, чтоб сердцу отдых дать.
Скорее! Прочь от воздуха Тосканы!
Тоска гнетёт, как серые туманы,
Но мне уже недолго солнца ждать.

Оно моё, в нём сладость в изобилье,
Мне без него на свете жизни нет,
Но слепну я, приблизившись вплотную.

Укрытья не найти, мне б только крылья,
Погибелью грозит мне яркий свет:
Вблизи него горю, вдали – горюю.

«В листве зелёной шелестит весна...»

В листве зелёной шелестит весна,
Но как её дыханье жалит щеки,
Напомнив мне удар судьбы жестокий:
Её мученья я испил до дна.

Прекрасный лик явила мне она,
Теперь такой чужой, такой далёкий,
Сияли золотых волос потоки,
Нить жемчугов теперь в них вплетена.

О, как ложились эти пряди мило,
Распущенные – как они текли! —
Воспомианье до сих пор тревожит,

В жгуты тугие время их скрутило,
Не избежало сердце той петли,
Которую лишь смерть ослабить может.

«Дохнул в лицо прохладой лавр прекрасный...»

Дохнул в лицо прохладой лавр прекрасный:

Здесь рану Фебу бог любви нанёс.
Я сам в его ярме, влеку свой воз.
Освободиться поздно – труд напрасный.

Как некий старый мавр – Атлант несчастный,
Тот, что Медузой превращён в утёс,
И сам я в путах золотых волос,
В чьём блеске меркнет солнца пламень ясный.

Я говорю о сладостных силках,
О той, что стала мукою моею.
Покорствую – не в силах дать отпор.

В её тени пронизывает страх,
Как мрамор, я от холода белею.
Я камнем стал, увидев этот взор.

«Колеблет ветер, солнце освещает...»

Колеблет ветер, солнце освещает
Литые нити пряжи золотой,
Их плёл Амур и, сетью их густой
Опутав сердце, дух мой очищает.

Кровинкой каждой сердце ощущает.
Предвосхищает приближенье той,
Что над моею властвует судьбой,

И всякий раз ее весы качает.

Узрев огонь, в котором я горю,
Сиянье уз, благодаря которым
Я связан по рукам и по ногам,

Уже не помню, что я говорю,
Теряю разум перед ярким взором,
От нежности своей страдаю сам.

«О, эта обнаженная рука...»

О, эта обнаженная рука,
Увы, её оденет шёлк перчатки!
Так эти две руки смелы и хватки,
Что сердце в плен берут наверняка.

Смертелен лук крылатого стрелка,
Но и ловушек у него в достатке,
Столь дивные привады и подсадки
Опишешь ли посредством языка? —

Прекрасные глаза, ресницы, брови,
А этот рот – сокровищница роз,
Певучих слов и редкостных жемчужин.

Тут надо быть, однако, наготове.

А вот чело и золото волос,
Таких, что солнца жар уже не нужен.

«Судьба смягчилась, наградив меня...»

Судьба смягчилась, наградив меня
Бесценным даром – шёлковой перчаткой,
Чтоб я достиг вершин отрады сладкой,
Далёкий образ в памяти храня.

Не вспоминал я рокового дня,
Забыл позор и той минуты краткой,
Когда богатство я обрёл украдкой
И сразу нищим стал, свой стыд кляня.

Не удержал я драгоценной дани,
Безволен, безъязык и безголос,
Я уступил без боя поле брани.

Мне крылья бы – добычу б я унёс,
Чтоб отомстить той несравненной длани,
Из-за которой пролил столько слёз.

«Из недр прозрачных дива ледяного...»

Из недр прозрачных дива ледяного
Исходит пламень, жар его велик,
Он сушит сердце, в кровь мою проник,
Руиной становлюсь, жильём без крова.

Со мною смерть расправиться готова,
Её небесный гром, звериный рык
Беглянку, жизнь мою, уже настиг,
И трепещу, не в силах молвить слова.

Любовь и сострадание могли б
Меня спасти – две каменных колонны —
Встать вопреки крушению и огню.

Но нет надежды. Чувствую: погиб.
О враг мой нежный, враг мой непреклонный,
Я не тебя, а лишь судьбу виню.

«Но я горю огнём на самом деле...»

Но я горю огнём на самом деле.
Никто не усомнится, лишь одна,
Та, что мне всех дороже, холодна,
Не замечает мук моих доселе.

Краса и недоверье! Неужели
В глазах моих душа вам не видна?

Когда бы не звезды моей вина,
Меня бы пощадили, пожалели.

Мой жар, совсем ненужный вам сейчас,
Мои хвалы божественности вашей,
Возможно, сотни душ воспламенят.

Тоска моя, когда не станет нас,
Моя немая речь, твой взор погасший
Ещё надолго искры сохранят.

«Душа моя, которая готова...»

Душа моя, которая готова
Всё описать, увидеть и прочесть,
Мой жадный взор, душе несущий весть,
Мой чуткий слух, ведущий к сердцу слово,

Неужто дали времени иного
Вы нашим дням хотите предпочесть,
Где два огня, два путеводных есть,
Где след любимых стоп я вижу снова.

Тот след и путеводный яркий свет
Ведут вас в этом кратком переходе,
Помогут вечный обрести покой.

О дух мой, возносись в тумане бед,
Встречая гнев, подобный непогоде,
К божественному свету – по прямой.

«Как сладки примиренье и разлад...»

Как сладки примиренье и разлад,
Отраднa боль и сладостна досада.
В речах и в разумении – услада
И утешение, и сладкий ад.

Терпи, душа, вкушая молча яд,
Бояться сладкой горечи не надо,
Тебе любовь – как высшая награда,
Возлюбленная всех милей стократ.

Спустя столетья кто-нибудь вздохнёт:
«Несчастный, что он пережил, страдая,
Но как его любовь была светла».

Другой судьбу ревниво упрекнёт:
«Такой красы не встречу никогда я.
О, если бы она теперь жила!»

«С альпийских круч ты устремляешь воды...»

С альпийских круч ты устремляешь воды
И носишь имя яростной реки,*
С тобою мы бежим вперегонки,
Я – волею любви, а ты – природы.

Я отстаю, но ты – другой породы,
К морской волне без роздыха теки,
Ты ощутишь, где легче ветерки,
Где чище воздух, зеленее всходы.

Знай: там светила моего чертог,
На левом берегу твоём отлогом
Смятенная душа, быть может, ждёт.

Коснись её руки, плесни у ног,
Твоё лобзанье скажет ей о многом:
Он духом твёрд, и только плоть сдаёт.

«От Эбро и до гангского истока...»

От Эбро и до гангского истока,

От хладных до полуденных морей.
На всей земле и во вселенной всей
Такой красы не видывало око.

Что мне предскажут ворон и сорока?
Чьи руки держат нить судьбы моей?
Оглохло милосердие, как змей,
Прекрасный лик меня казнит жестоко.

Любой, кто видит эту красоту,
Восторг и сладкий трепет ощущает,
Она дарует всем свой чистый свет,

Но, охлаждая пыл мой и мечту,
Притворствует иль впрямь не замечает,
Что я, страдая, стал до срока сед.

«Хлысту любви я должен покориться...»

Хлысту любви я должен покориться,
У страсти и привычки в поводе
Вослед надежде призрачной иду,
Мне на сердце легла её десница.

Не видя, сколь коварна проводница,
Ей верит сердце на свою беду,
Во власти чувств рассудок, как в бреду,

Желаний бесконечна вереница,

Краса и святость завладели всем,
В густых ветвях я пойман был неожиданно,
Как птица, бьётся сердце взаперти.

В то лето – тыща триста двадцать семь,
Шестого дня апреля утром рано
Вступил я в лабиринт – и не уйти.

«Во сне я счастлив, радуюсь тоске...»

Во сне я счастлив, радуюсь тоске,
К теням и ветру простираю длани,
Кочую в море, где ни дна, ни грани,
Пишу на струях, строю на песке.

Как солнце мне сияет вдалеке,
И слепнет взор, и словно всё в тумане,
Спешу я по следам бегущей лани
На колченогом немощном быке.

Всё, что не ранит, привлечёт едва ли.
Нет, я стремлюсь во сне и наяву
К Мадонне, к смерти, к роковому краю.

Все эти двадцать долгих лет печали

Стенаньями и вздохами живу.
Я пойман, я люблю, я умираю.

«Такой небесный дар – столь редкий случай...»

Такой небесный дар – столь редкий случай:
Здесь добродетелей высоких тьма,
Под сенью светлых прядей – свет ума,
Сияет скромность красотою жгучей.

Чарует голос ласковый, певучий,
Осанка так божественно пряма,
Во всех движеньях – чистота сама,
Пред ней склонится и гордец могучий.

Способен взор окаменить и сжечь,
И тьму, и ад пронзят его сполохи,
Исторгнув душу, в плоть вернут опять.

А этот сладкий голос, эта речь,
Где полны смысла и слова и вздохи! —
Вот что меня могло околдовать.

«Какое наважденье, чей увет...»

Какое наважденье, чей увет
Меня бросает безоружным в сечу,
Где лавров я себе не обеспечу,
Где смерть несчастьем будет. Впрочем, нет:

Настолько сладок сердцу ясный свет
Прекрасных глаз, что я и не замечу,
Как смертный час в огне их жарком встречу,
В котором изнываю двадцать лет.

Я чувствую дыханье вечной ночи,
Когда я вижу пламенные очи
Вдали, но если их волшебный взгляд

Найдёт меня, сколь мука мне приятна —
Вообразить, не то что молвить внятно,
Бессилен я, как двадцать лет назад.

««О донны, почему, сходясь в часы бесед...»»

«О донны, почему, сходясь в часы бесед,

Так одиноки вы и смех звучит уныло?
Где жизнь моя теперь, о, где моя могила?
Ну почему средь вас моей любимой нет?»

«Смеёмся и грустим, желанный вспомнив свет,
Подругу милую, которой нас лишила
Ревнивая родня, завистливая сила,
Чьи радости растут по мере наших бед».

«Но душу угнетать дано каким законом?» —
«Душа – она вольна, здесь плоть в тиски взята,
Мы сами эту боль испытываем ныне.

Подспудную печаль подчас прочесть легко нам:
Ведь мы же видели, как меркла красота.
Как влагой наполнились глаза твоей святыни».

«О, если бы я мог обрушить гнев...»

О, если бы я мог обрушить гнев
На ту, чей взгляд меня разит и слово,
И кто, явившись, исчезает снова,
Бежит, чтоб я скорбел, осиротев,

И кто, душой усталой овладев,
Её казнит и мучит столь сурово,
Что в бедном сердце вместо сна благого

Вдруг просыпается жестокий лев.

Успел стократ погибель испытать я,
Но, сбросив плоть, мой дух стремится к той,
Чьё равнодушие тяжелей проклятья.

Непостижимое передо мной:
Когда он с плачем тянет к ней объятья,
Увы, невозмутим её покой.

«Прекрасные черты, предел моих желаний...»

Прекрасные черты, предел моих желаний,
Глядеть бы и глядеть на этот дивный лик,
Не отрывая глаз, но в некий краткий миг
Был образ заслонен движеньем нежной длани,

Мой дух, трепещущий, как рыба на кукане,
Привязанный к лицу, где блага свет велик,
Не видел ничего, когда тот жест возник,
Как не узреть птенцу тенёта на поляне.

Но зрение моё, утратив свой предмет,
К виденью красоты, как бы во сне, открыло
Дорогу верную, без коей жизни нет.

Передо мной лицо и длань как два светила,
Какой невиданный, какой волшебный свет!
Подобной сладости непостижима сила.

«Искрились ясных глаз живые свечи...»

Искрились ясных глаз живые свечи,
Меня касаясь нежностью лучей,
Из недр глубоких сердца, как ручей,
Ко мне струились ласковые речи.

Теперь всё это далеко-далече,
Но жгут воспоминанья горячей:
Был переменчив свет ее очей
И всякий раз иным бывал при встрече.

С привычным не разделаться никак:
Двойных услад душа не знала прежде
И не могла соблазна побороть.

Она, отведав незнакомых благ,
То в страхе пребывала, то в надежде.
Готовая мою покинуть плоть.

«Она жила во мне, она была жива...»

Она жила во мне, она была жива,
Я в сердце жалкое впустил её – синьору.
Увы, всё кончено. Где мне найти опору?
Я мёртв, а ей дано бессмертье божества.

Душе ограбленной утратить все права,
Любви потерянной скитаться без призору,
Дрожать от жалости плите надгробной впору,
И некому их боль переложить в слова.

Их безутешный плач извне услышать трудно,
Он глубоко во мне, а я от горя глух,
И впредь мне горевать, и впредь страдать от ран,

Воистину мы – прах и сиротливый дух,
Воистину – слепцы, а жажда безрассудна,
Воистину мечты в себе таят обман.

«Что делать с мыслями? Бывало, всякий раз...»

Что делать с мыслями? Бывало, всякий раз

Они лишь об одном предмете толковали:
«Она корит себя за наши все печали,
Она тревожится и думает о нас».

Надежды этой луч и ныне не погас:
Она внимает мне из поднебесной дали,
С тех пор как дни её земные миновали,
С тех пор как наступил её последний час.

Счастливая душа! Небесное создание!
Чудесная краса, которой равных нет! —
Она в свой прежний рай вернулась, где по праву

Блаженство ей дано за все благодеянья!
А здесь, в кругу живых, её безгрешный свет
И жар моей любви ей даровали славу.

«Я прежде склонен был во всем себя винить...»

Я прежде склонен был во всем себя винить.
А ныне был бы рад своей былой неволе
И этой сладостной, и этой горькой боли,
Которую сумел потайно сохранить,

О Парки злобные! Вы оборвали нить

Единственной судьбы, столь милой мне в юдоли
У золотой стрелы вы древко раскололи,
А я для острия был счастлив грудь открыть.

Когда она жила, мой дух отверг свободу,
И радости, и жизнь, и сладостный покой —
Всё это обрело и смысл и образ новый.

Напевам, сложенным кому-нибудь в угоду,
Я стоны предпочёл во имя той, одной,
И гибельный удар, и вечные оковы.

«Где ясное лицо, чей взгляд мне был приказом...»

Где ясное лицо, чей взгляд мне был приказом? —
Я следовал за ним всему наперекор.
Где озаряющий мою дорогу взор,
Две путевых звезды, подобные алмазам?

Где благочестие, где знание и разум,
Где сладостная речь и тихий разговор?
Где чудо красоты, чей образ с давних пор
Преследовал и влёл, и удалялся разом?

Где ласковая сень высокого чела,

Дарившая в жару дыхание прохлады
И мысль высокую, и обаянье грёз?

Где та, что за руку мою судьбу вела?
Мир обездоленный лишён своей услады,
И взор мой горестный, почти слепой от слёз.

Из испанской поэзии

Из «Романсеро»*

Романсы о короле Родриго

Родриго открывает заколдованную Толедскую пещеру

Повелитель дон Родриго,
Чтобы трон прославить свой,
Объявил турнир в Толедо,
Небывалый будет бой:
Ровно шесть десятков тысяч
Славных рыцарских знамён.
Но когда турнир великий
Открывать собрался он,
Появились горожане,
У его склонились ног:
В древнем доме Геркулеса
Просят снять с дверей замок.
Рьяно взялся он за дело,
Как владыки всех времён,
Сбить замки и все засовы
Повелел немедля он.

В дом входя, он думал: клады
Геркулес оставил в нем,
Оказалось – в доме пусто,
Не хранил сокровищ дом.
Только надпись увидали:
«Встретишься, король, с бедой!
Кто проникнет в это зданье,
Тот погубит край родной».
Был ещё сундук богатый
Вынут из одной стены.
Стяги в нём. На каждом стяге
Были изображены
Сотни мавров – как живые,
Их мечи обнажены,
Кони быстрые ретивы,
Лики всадников страшны.
Арбалеты, катапульты —
Устрашающий поток.
Дон Родриго отвернулся,
Больше он смотреть не мог.
Тут с небес орёл спустился,
И сгорел немедля дом.
Армию король направил
В Африку прямым путём.
Графу дону Хулиану
Поручил команду он.
Но во время переправы
В море граф понёс урон.
Двести кораблей погибло,

Сто гребных галер, и вот
Спасся граф с остатком войска.
Так закончился поход.

*Как король дон Родриго влюбился в Ла Каву, когда она
мыла волосы в роднике*

Чистой влагою хрустальной,
Родниковую водою
Мыла волосы Ла Кава —
Это чудо золотое,
Оттеняет мрамор шеи
Нежных прядей позолота,
Взор притягивают к шее
Эти пряди, как тенёта.
На воду, на отраженье
Смотрит девушка влюблённо
И боится стать несчастной,
Как Нарцисс во время оно.
На неё глядел Родриго,
Стоя в заросли зеленой.
Был Родриго околдован
И промолвил, восхищённый:
«Что там Троя! Что Елена
Рядом с этой красотою!
Всю Испанию, пожалуй,
Я бы сжёг в огне, как Троию».

Родриго и Ла Кава

С приближёнными своими,
Шаловлива и лукава,
Из дверей дворцовой башни
Выходила в сад Ла Кава.
Девушки в кружок уселись
На траве зелёной сада,
Под ветвями пышных миртов,
Под листвою винограда.
С ними в круг Ла Кава села.
Ей на ум пришла забава:
Лентою стопы обмерить
Повелела всем Ла Кава.
Все измерили. Последней
Измерять Ла Кава стала.
Оказалось, меньше ножки
И прекрасней не бывало.
Но откуда знать Ла Каве,
Что судьбе жестокой надо?
Увидал Родриго деву,
Отвести не в силах взгляда.
Задрожал Родриго. Случай
Выпустил на волю пламя,
Короля любовь объяла,
Широко взмахнув крылами.
Во дворец ушли девицы,
Опустела вдруг поляна.
Был пленён король Родриго
Самой нежной и желанной.

Он призвал её назавтра
В свой покой и молвил: «Право,
Мне сегодня жизнь постыла,
О прекрасная Ла Кава!
Если ты мне дашь спасенье,
Ждёт тебя тогда награда.
Я готов принести корону
На алтарь твой, если надо».
Говорят, она сердилась,
Королю не отвечала,
Но потом обрёл Родриго
Всё, о чём просил сначала.
Сорван был цветок прекрасный.
Что раскаянье! Немало
Из-за прихоти Родриго
Вся страна потом страдала.
Нынче спорят, кто виновней
И кого судить по праву:
Женщины винят Родриго,
А мужчины все – Ла Каву.

«Говорят, влюблён Родриго...»

Говорят, влюблён Родриго,
Ходит грустный – замечали.
Лишь Ла Каве он поведал,
В чём секрет его печали.

На красавицу глядел он
Восхищёнными очами,
Руки белые он славил
Восхищёнными речами:
«Ты пойми меня, поверь мне,
Я души в тебе не чаю,
Быть хочу твоим до гроба,
Сердце я тебе вручаю».
Хоть Родриго честью клялся,
Не поверила Ла Кава,
То смеялась, то винулась,
То упрячилась лукаво.
Этот смех притворный слыша,
Стал король ещё печальней.
После трапезы поздней
Он пошёл в опочивальню,
А пажа послал за Кавой,
И послушная девица,
О беде не помышляя,
Не замедлила явиться.
Лишь узрел король Ла Каву,
Обнял он её мгновенно,
Дал ей сотню обещаний,
О любви моля смиренно.
Но не верила Ла Кава
Обещаниям и лести.
И тогда Родриго силой
Взял её, забыв о чести.
В свой покой ушла Ла Кава,

Обеспамятев от горя,
Как ей быть? Кому поведать
О несчастье и позоре?
Что ни день, она рыдала,
Красота её увяла,
И одна её подруга
Слёзы Кавы увидала.
И рыдающей Ла Каве
Вот что дама та сказала:
«Я теперь, Ла Кава, вижу,
Ты не веришь мне – иначе
Ты бы честно мне призналась,
Отчего исходишь в плаче».
И несчастная Ла Кава,
Хоть противилась вначале,
Все подруге рассказала,
Излила свои печали
И сказала, что об этом
Помолчать бы не мешало.
Но совет дала ей дама,
Вот что ей она сказала:
«Напиши отцу всю правду,
Обо всём поведай прямо».
Всё исполнила Ла Кава,
Что советовала дама.
Отдала гонцу посланье,
И, покорствуя приказу,
На корабль он сел в Тарифе
И в Сеуту отбыл сразу,

Там вручил посланье графу,
Гордому отцу Ла Кавы.
Мать её, узнав о горе,
Зарыдала: «Боже правый!»
Граф жену свою утешил,
Дал графине обещанье,
Что сочтётся он с Родриго
За позор и поруганье.

Ла Кава оплакивает свой позор

Слёзы градом льёт на землю,
В воздух стоны исторгая,
Нет, не зря, не без причины
На сердце печаль такая
У Ла Кавы горемычной:
Вся страна поет ей славу,
По красе считают первой
И по горестям Ла Каву.
От любви её печали,
От презрения – страданья.
Охлаждение Родриго
Тяжелее поруганья.
«Ради прихоти минутной
Ты замыслил шаг коварный,
Честь, достоинство Ла Кавы
Ты попрал, неблагодарный.
Нет, из-за самой потери
Я б не стала убиваться,

Горько мне, что за бесчестье
Не могу я расквитаться.
За обман я мстить не в силах,
Спор с тобой веду напрасный:
Ты презрел меня, ославил.
А была я так прекрасна.
Да, к речам твоим коварным
Я была глуха когда-то,
Ибо им не доверяла,
Знала, что придёт расплата.
Разве я могла представить,
Что увенчанный короной
Припадёт с мольбой смиренной,
Словно юноша влюблённый.
О своей твердишь ты мести,
Но и в этом правды мало,
Ибо кровь моя причиной
Славного отпора стала».

*Граф Хулиан клянётся отомстить Родриго за бесчестье
дочери*

Говорит сеньор Тарифы:
«О, позор моим сединам.
Отомщу я, оскорблённый
Королём и господином».
Рвёт свои власы седые
Старец в исступленье диком
И серебряные нити

По ветру пускает с криком.
Благородный лик изранен,
И видны на этом лике
Два источника. Струится
Горести поток великий.
В гневе граф не видит неба,
Руки вскинул к звёздным высям.
Там его беды свидетель,
От кого мы все зависим.
О судьба, о жалкий жребий,
Ты в холодном безразличье
Так безжалостно караешь
Благородство и величье.
О король наш безрассудный,
Ты расплаты не предвидел,
Красотою ослеплённый,
Ты меня и дочь обидел.
Даст Бог, сил во мне достанет,
Отплачу я, не взыщи ты.
Я взываю к правосудью,
У небес молю защиты.
Люди, вы меня за эти
Речи строго не судите.
Если сам король предатель,
Что взять с подданных. Скажите.
Слава небу! Превратится
Вся Испания в руины,
Потому что нечестивец
Оскорбил мой род старинный.

Невиновные заплатят
За неистовства владыки.
Если сам король бесчестен,
Ждёт страну позор великий.
Прикрываясь Божьей волей,
Деспоты жестокой каре
Предают людей невинных,
Словно Сулла или Марий.
Видит Бог, когда бы мог я,
Я б не стал вредить отчизне,
Лишь тирану отомстил бы,
Не губил бы столько жизней.
Но иной мне выпал жребий:
Полонили сарацины
Мой удел, мою Тарифу,—
Всюду пламя и руины.
На несчастье иль на счастье
Грозная явилась сила.
Кость – в игре, а где та воля,
Чтоб её остановила?
Слава Богу! Наш властитель
Должен скоро расплатиться,
Скоро с честью и короной,
Скоро с жизнью он простится.
Так неужто же, безумцы,
Потакать ему должны мы?
Неужели злость и подлость
Тех, кто правит, несудимы?
Небо, небо, всё ты взвесишь,

Всем воздашь ты за могилой.
Так взгляни на горе старца,
Пожалей его, помилуй».
Так дон Хулиан несчастный
Сетовал, читая строки
Горького письма Ла Кавы,
Чьи печали столь жестоки.

Плач о гибели Испании

Оглянитесь, дон Родриго.
Где ваш край и ваша слава?
Всю Испанию сгубили
Ваша прихоть и Ла Кава.
Поглядите – ваши люди
Полегли в бою кровавом.
Нет, отчизна невиновна.
Может, кровь её нужна вам?
О Испания!.. Погибла.
А виной всему – Ла Кава.
Где добытая веками
Наших гордых дедов слава?
Королевство, жизнь и душу
Вы внезапно потеряли,
Ваше кончилось блаженство.
Наши множатся печали.
Честь всегда от злобы гибнет.
Погибает жизнь и слава.
О, Испания погибла.

А виной всему – Ла Кава.

Романсы о короле доне Педро Жестоком

Разошлась молва в народе —
Правда ль, нет – но слух пустили,
Что магистр высокородный
Дон Фадрике де Кастилья
Опозорил дона Педро —
Короля, родного брата,
Соблазнил-де королеву;
Говорят одни: «Брюхата»,
«Родила», – иные шепчут.
Разошлись по всей Севилье
Кривотолки. Неизвестно,
Правда ль, нет – но слух пустили.
Далеко король дон Педро,
И не слышал он покуда
Об измене. А услышит —
Кой-кому придётся худо.
Что же делать королеве?
Сердце ужасом объято,
Пал на дом позор великий,
День и ночь страшит расплата.
И послала королева
За придворным именитым,
Был тот муж, Алонсо Перес,

У магистра фаворитом.
Он предстал пред королевой,
И ему сказала дама:
«Подойди, Алонсо Перес,
Не лукавь, ответствуй прямо,
Что ты знаешь о магистре?
Где он? Слышишь?» – «О сеньора!
Он уехал на охоту,
С ним все ловчие и свора».
«Но скажи... Ты, верно, слышал?
Толк о нём в народе шумный...
Я сердита на магистра.
Он такой благоразумный
И к тому же благородный,
Славный столь и родовитый...
Родила на днях младенца
Девушка из нашей свиты.
Мне она была подругой
И молочную сестрою.
Очень я её любила
И её проступок скрою.
Беспокоюсь, что об этом
Вся страна узнает скоро».
Что ж в ответ Алонсо Перес?
«Вам рука моя – опора.
Воспитать берусь младенца.
Дайте мне его, сеньора».
Принесли немедля свёрток
В жёлто-алом покрывале

Без гербов, без украшений
И Алонсо передали.
В Андалузию повёз он
Этот сверток драгоценный.
В небольшой далёкий город,
Называемый Льереной.
И дитя на воспитанье
Дал одной своей знакомой.
Женщина была прекрасна,
И звалась она Паломой.
Мать её была еврейка,
А отец её – меняла.
Стал расти инфант, но вскоре
Эту тайну разузнала
Донья хитрая Мария,
Та, что вечно клеветала.
Толком истины не зная,
Королю она писала:
«Я – Мария де Падиля.
Знай, сеньор, твоя Мария
Век тебя не предавала,
Предали тебя другие.
То, что я пишу, – всё правда,
Верь, сеньор, я лгать не стану.
Твой обидчик спит спокойно,
Хоть нанёс тебе он рану.
Не придёт он сам с повинной.
Обличить пора Иуду.
Всё. На этом я кончаю.

Докучать тебе не буду».
Прочитал король посланье,
Вызвал грандов для совета.
В самый мрачный день недели,
В понедельник было это.
Покидал король Тарифу,
Хоть немало неотложных
Было дел, но он оставил
За себя людей надежных:
Дон Фадрике де Акунюю,
Опытного полководца —
Знал король: сей муж бесценен,
Если жаркий бой ведётся;
И двоюродного брата
Дон Гарсию де Падилью;
Также Телье де Гусмана —
Все его безмерно чтили,
Дона Педро воспитал он,
Наделён умом был щедро.
В среду, на заре вечерней,
В путь отправился дон Педро
Вместе с Лопесом Осорью,
Другом верным, неизменным.
Путники глубокой ночью
Прибыли к севильским стенам.
Поздно. Как проникнуть в город?
Все ворота на запоре.
К счастью, мусорную кучу
Под стеной узрели вскоре,

Скакуна подвёл дон Педро,
Встал на спину и мгновенно,
За бойницу ухватившись,
Перебрался через стену.
К своему дворцу дон Педро
Подошёл и стал стучаться,
Позабыв, что в это время
Слуги спят и домочадцы.
И в него швырять камнями
Начала ночная стража,
Был король побит изрядно,
Потерял сознание даже.
И вскричал тогда Осорьо:
«Стойте! Что вы натворили?
Это ваш король, дон Педро!»
Тотчас же ворота открыли.
Подошли поближе слуги:
«Наш король на самом деле!»
Повели его в покои,
И уснул король в постели.
Трое суток жил он тайно
Во дворце, в глухом покое,
А потом в далёкий Кадис
Отослал письмо такое:
Брата своего, магистра,
В этом царственном посланье
На турнир прибыть в Севилью
Он просил без опоздания.

Как король дон Педро приказал убить своего брата дона Фадрике

В дни, когда я был в Коимбре,
Взятой мной у супостата,
Королевский вестник прибыл,
Мне привёз письмо от брата.
Повелел мне брат мой Педро
Быть в Севилье на турнире.
Тотчас я, магистр несчастный,
Самый горемычный в мире,
Взял с собой тринадцать мулов,
Двадцать пять коней холёных
В драгоценных пышных сбруях,
В пёстрых шёлковых пополах.
Двухнедельную дорогу
Одолел я за неделю,
Но когда мы через реку
Переправиться хотели,
Вдруг мой мул свалился в воду.
Сам я спасся еле-еле,
Но кинжал свой потерял я
С рукояткой золотою,
И погиб мой паж любимый,
Тот, что был воспитан мною.
Так привёл меня в Севилью
Путь, отмеченный бедою.
А у самых врат столицы
Встретил я отца святого,

И монах, меня увидев,
Мне такое молвил слово:
«О магистр, храни вас небо!
Есть для радости причина:
В этот день – в ваш день рожденья,
Подарил господь вам сына.
Я могу крестить младенца.
Вы скажите только слово,
И приступим мы к обряду —
Всё для этого готово».

И ответил я монаху:
«Мне сейчас не до обряда,
Не могу остаться, отче,
Уговаривать не надо.
Ждёт меня мой брат дон Педро,
Повелел он мне явиться».

Своего пришпорив мула,
Тотчас въехал я в столицу,
Но не вижу я турнира,
Тишиною всё объято.
Как незванный, я подъехал
Ко дворцу родного брата.
Но едва вошёл в палаты,
Не успел ступить я шагу —
Дверь захлопнулась, и мигом
У меня забрали шпагу.
Я без свиты оказался —
Задержали где-то свиту,
А без преданных вассалов

Где же я найду защиту?
Хоть меня мои вассалы
О беде предупреждали,
За собой вины не знал я
И спокоен был вначале.
Я вошёл в покои брата
И сказал ему с поклоном:
«Государь! Пусть Бог поможет
Вам и вашим приближенным».
«Не к добру, сеньор, проезд ваш,
Не к добру. За год ни разу
Брата вы не навестили,
Прибегать пришлось к приказу.
Почему-то не явились
Вы, сеньор, своей охотой.
Вашу голову в подарок
К Рождеству получит кто-то».
«Государь, в чём я виновен?
Чтил я ваш закон и волю,
С вами вместе гнал я мавров,
Верным был на бранном поле».
«Стража! Взять! И обезглавить!
Приступайте к делу быстро!»
Не успел король умолкнуть,
Сняли голову с магистра
И Марии де Падилья
Поднесли её на блюде,
И она заговорила
С головой. Внемлите, люди!

Вот какую речь держала:
«Вопреки твоим наветам
Мы сочлись за всё, что было
В том году, а также в этом.
И за то, что дона Педро
Подлым ты смущал советом».
Дама голову схватила
И её швырнула догу.
Дог – любимый пёс магистра —
Голову унёс к порогу
И завыл, да так, что трепет
По всему прошёл чертогу.
«Кто, – спросил король дон Педро,—
Кто посмел обидеть дога?»
И ответили дворяне
На такой вопрос владыки:
«Плачет пёс над головою
Брата вашего Фадрике».
И тогда сказала слово
Тётка короля седая:
«Вы, король мой, зло свершили!
Вас, король, я осуждаю!
Из-за женщины коварной
Брата погубить родного!..»
Был смущён король дон Педро,
Услыхав такое слово.
На Марию де Падилья
Поглядел король сурово:
«Рыцари мои, схватите

Эту злобную волчицу!
Ждёт её такая кара,
Что и мёртвый устрашится».
Появилась тут же стража,
Даму бросили в темницу;
Сам король носил ей пищу,
Разных козней опасался.
Лишь пажу, что им воспитан,
Он всецело доверялся.

Донья Бланка сетует на жестокость своего супруга короля дона Педро

Донья Бланка, там, в Сидонье,
Изнывая в заточенье,
Со слезами говорила
Преданной своей дуэнье:
«Я родная дочь Бурбона,
Я принцесса по рождению.
Герб мой, символ королевский,—
Лилии изображенье.
Здесь о Франции с тоскою
Вспоминаю что ни день я,
Родины я не забуду,
Даже став бесплотной тенью.
Если мне даны в наследство
Горести и злочюченья,
Значит, я – дитя печали
И несчастья порожденье.

Вышла я за дона Педро —
Так судило провиденье.
Злобен он, как тигр гирканский,
Хоть красой ласкает зренье.
Мне венец он дал – не сердце,
Сотворил немало злого.
Разве можем ждать добра мы,
Раз король не держит слова,
Данную ему супругу
Он отверг без сожаленья,
Ибо он избрал другую,
Отдал сердце во владенье
Злой Марии де Падилья.
Мне он клялся, а на деле
Бросил ради фаворитки,
Что своей достигла цели.
Только раз он был со мною —
Гранды этого хотели.
Сотни дней, как мы расстались,
Вместе не прожив недели,
В чёрный день, во вторник утром
На меня венец надели.
День спустя мои покои
Стали мрачны, опустели.
Мужу в дар дала я пояс,
Яхонты на нём блестели.
Думала, что нас он свяжет,
Но была пустой затея.
Дал король мой дар Марии,

Всё отдаст ей, не жалея.
Отнесла она мой пояс
К чернокнижнику-еврею;
Стал теперь мой дар бесценный
Мерзкому подобен змею,
С той поры не знаю счастья
И надеяться на смею».

Смерть доньи Бланки де Бурбон

«О, Мария де Падила,
Вам печалиться о чём?
Ради вас мой брак расторгнут,
Что же лик ваш омрачён?
Не люблю я, презираю
Донью Бланку де Бурбон.
Повелел я ей в темнице
Стяг соткать: да будет он
Цвета самой алой крови
И слезами окроплён! —
Этот алый стяг, расшитый
Доньей Бланкой де Бурбон,
В знак любви моей, Мария,
Будет вам преподнесён.
Вызван дон Алонсо Ортис,
Прям душою и умён,—
Пусть отправится в Медину,
Пусть прервёт работу он».
«Государь, — промолвил Ортис,—

Ваш приказ для всех закон.
Но убивший королеву
Короля предаст и трон».
Не сказал король ни слова,
Молча встал и вышел вон.
Двух убийц он шлёт в Медину,
Самых лютых выбрал он.
В час, когда молилась Бланка
В заточении своём,
Палачей она узрела,
Обомлела, но потом
Вновь пришла она в сознание
И промолвила с трудом:
«Знаю, для чего пришли вы,
Сердце мне твердит о том.
Нет, нельзя судьбы избежать,
Всяк идёт своим путём.
О Кастилия, скажи мне,
В чём я виновата? В чём?
Франция! Земля родная!
Дом Бурбонов, отчий дом!
Мне шестнадцать лет сегодня.
Встречу смерть к лицу лицом.
Девственницей умираю.
Хоть стояла под венцом.
Прощена ты мной, Мария,
Пусть виновна ты во всем.
Мною жертвует дон Педро.
Жаждет быть с тобой вдвоём».

Краткий срок ей для молитвы
Был отпущен палачом.
Но, не дав молитвы кончить,
Вдруг ударили сплеча.
И несчастная упала
Под дубиной палача.

*Священник предупреждает дона Педро об угрожающей
ему опасности*

Крепость выстроил дон Педро,
Опасался он измены.
Посреди полей Асофры
Встали каменные стены.
Чтоб не мог напасть Энрике,
Брат, соперник дерзновенный.
Раз, когда король был в замке,
Постучал аббат в ворота
И сказал, что дону Педро
Хочет он поведать что-то.
Стража провела аббата
В отдаленные покои
К дону Педро, где священник
Рассказал ему такое:
«Государь, король дон Педро,
Ты лишился бы покоя,
Если б ведал, если б знал ты,
Что нависло над тобою.
Мне открыл святой Доминго

То, что я тебе открою:
Знай – тебе грозит опасность,
Потому что дон Энрике
Извести тебя замыслил.
Зреет заговор великий.
Коль беспечен и доверчив
Будешь ты себе на горе,
Смерть тебя, король, постигнет,
В муках ты погибнешь вскоре.
Ты над этим поразмысли
И не забывай об этом.
Ради жизни и короны
Не пренебрегай советом:
Арестуй немедля графа,
Заточи его в темницу,
Требуя повиновенья,
И тогда твой брат смирится.
И пока не даст он клятвы,
Содержи его в темнице.
Наконец, убей Энрике,
Если он не подчинится.
Твёрдым будь в своих поступках,
Иль судьба постигнет злая.
Верь, король, моим советам,
Я тебе добра желаю.
Знай, король, мое известье
Для тебя, как воскресенье,
Ты в опасности великой,
Я принес тебе спасенье;

Или ты, рассудку внемля,
Мне, король, поверишь – или
Встретишь гибель. Эту тайну
Небеса тебе открыли».
Это выслушал дон Педро,
Сердце трепетом объято,
И, однако, он значенья
Не придавал словам аббата.
Мыслил он: всё это слухи,
Лжёт священник, без сомненья,
Но потом, слегка подумав,
Он решил без промедленья
Всех сановников, всех грандов
Для совета вызвать все же,
Вызвать рыцарей отважных.
И когда сошлись вельможи,
Он сказал им: «Кабальеро,
Я собрал вас для совета.
Мне Господь раскрыл измену.
Что вы скажете на это?
Об опасности великой
Сообщил один священник.
Правда, я ему не верю,
Думаю, что лжёт, мошенник.
Может быть, у нас желает
Он снискать расположение?»
Вновь король велел аббату
Рассказать об откровенье,
О явлении святого,

О зловещих кознях брата.
А потом придворной страже
Приказал схватить аббата,
Он решил, что тот смеётся,
Не терпел дон Педро шуток.
Повелел костёр зажечь он —
В гневе был дон Педро жуток —
Он велел аббата бросить
В разгоревшееся пламя.
Чудилась всегда владыке
Лишь коварство за словами.

*Смерть короля дона Педро от руки единокровного брата
дона Энрике*

Руки мощные сплетают,
Обхватив друг друга, братья —
Дон Энрике с доном Педро.
Их железные объятья
Братскими не назовёте,
Братья бьются, слов не тратя,
То кинжал сверкнул, то шпага,
Крепко сжаты рукоятя.
Короля теснит Энрике,
Сток Педро. Бьются братья,
В их сердцах пылает ярость,
С губ срываются проклятья.
В стороне стоит свидетель,
Молчаливый наблюдатель,

Юный паж, слуга Энрике.
Вдруг он видит – о Создатель! —
Братья дрогнули и оба
На пол падают. Некстати
Чуть замешкался Энрике,
И король – верхом на брате.
Час твой пробил, дон Энрике.
Паж – в смятенье и, не глядя,
Бросился на дону Педро,
За камзол хватается сзади,
Говоря: «Прошу прощенья.
Государь, судите сами,
Я спасаю господина,
Потому невежлив с вами».
И уже вскочил Энрике,
Сталь в деснице засверкала.
В грудь коварного владыки
Острие вошло кинжала.
Сердце замерло навеки,
Захлебнулось кровью алой.
В христианском нашем мире
Злее сердца не бывало.

Из поэзии Далмации*

**Петр Гекторович
1487–1572**

Рыбная ловля и рыбацкие присказки Отрывок

Выйдя в полдень жаркий к берегу залива,
У рыбацкой барки повстречал я диво:
Чувствами богатых бедняков я встретил,
Пусть наряд в заплатах – был бы разум светел!
Нас всегда смущает вид простонародный,
Знайте – он скрывает разум благородный.
Нищета богата – Бог тому свидетель! —
В ней, как в недрах золото, скрыта добродетель.
Бедняков считаем мы ненужным сором,
Так что нищета им кажется позором,
Но когда при встрече к беднякам снисходим,
Их простые речи мудрыми находим.
Кажется убогим их существованье,
Но даны немногим мудрость их и знанье.

Диоген когда-то был увенчан славой,
Жил он небогато – в бочке жил дырявой.
Персов победитель знал величью цену,
Но познал властитель зависть к Диогену.
И сказал тогда я рыбакам смиренным:
«Что же, обладая опытом бесценным,
Вы свой дар таите? Братья, вы не правы!
Если знать хотите, вы достойны славы.
Разум ваш чудесен, он во всё вникает,
Сладость ваших песен в сердце проникает.
Мне бы плыть беспечно с вами по просторам
И внимать бы вечно вашим разговорам».
И тогда Паское отвечал с поклоном:
«Вы со всей душою – к людям неученым.
Наше вам спасибо, вы добры без меры
К нам, крестьянам, ибо мы бедны и серы.
Не судите строго – знают даже дети:
Тех, чья жизнь убога, больше всех на свете».
Прекратив беседу, я сказал крестьянам:
«Приступите к обеду, кажется, пора нам».
Говорится слово – делается дело,
Варево готово, быстро закипело.
И когда вкусили мы горячей снеди,
Снова приступили к прерванной беседе.
Долго говорили про улов богатый
И о том, как плыли мы в ладье дощатой.
Я сказал: «Свершилось всё, как мы хотели:
Море покорилося, волны отшумели.
Долго мы блуждали по морю седому,

Но опять пристали к берегу родному».

Никола Налешкович

1510–1587

«Как можешь примириться...»

Как можешь примириться
Ты с участью моею:
Я сохну и бледнею,
 Смерть зову я.
Тебе любовь даруя,
Я тщетно ждал ответа.
Какая же за это
 Мне награда?
Нет, золота не надо,
Я не стремлюсь к наживам,
Я преданным, не лживым
 Был слугою.
Бродил я за тобою
И ждал совсем иного —
Лишь ласкового слова
 Нежной вилы,
Я жаждал, друг мой милый,
Хотя бы только взгляда,
Вот высшая награда,
 Без сомненья!

Готов я на мученья,
Пусть боль терзает душу!
Коль верность я нарушу,
Пусть я сгину!

Развей мою кручину,
Дай радости немного,
Молю я, ради бога,
Дорогая!

Я счастлив, вспоминая
Черты живые эти,
Им равных нет на свете
И не будет!

Твой взгляд мой жар остудит.
Ты облегчишь мне муку,
Лишь протяни мне руку,
Я воспряну.

Твоим навеки стану,
Поклонник твой несмелый.
Бери, что хочешь делай,
О царица!

Никола Димитрович 1510–1554

«Строка, ты крылата, лети же к Николе...»

Николе Нале

Строка, ты крылата, лети же к Николе,
 Сожрал с ним когда-то немало я соли,
Лети же с приветом над славной Рагузой,
 Любезной поэтам, взлелеянной музой.
Порой мы в такие уносимся дали,
 Которых иные во сне не видали.
В далёких державах скитаюсь я ныне.
 Дворцов величавых полно на чужбине.
Мне столько изведать пришлось в этих странах —
 Всего не поведать и в книгах пространных.
Сегодня в стране я неведомой, новой,
 Здесь рожи чернее икры осетровой;
Здесь силу и старый подчас сохраняет,
 Посмотришь – кантары* шутя поднимает;
Здесь молодец ражий за трапезу сядет —
 С подобной поклажей и лошадь не сладит;

Когда не хватает для выпивки денег,
Свой скарб пропивает мгновенно мошенник,
За выпивкой пищи глотает он горы —
Обжора почище любого обжоры.
В тех землях святыми считают безумных,
Толпятся за ними на торжищах шумных.
Они здесь персоны всех выше на свете,
Здесь бьют им поклоны и старцы и дети.
Диковин немало в земле этой странной:
Врата из металла, а ключ – деревянный,
Здесь люди порою к учтивости глухи:
Облают свиньёю и отпрыском шлюхи.
Тебя лиходеи побьют между делом,
Беги поскорее – останешься целым.
Без чести, без сердца живут образины,
Любой иноверца предаст за майдины*.
Тебя супостаты обманут открыто,
Здесь деньги лишь святы, а совесть забыта.
Налешкович славный, всё это не диво:
Ведь силою главной здесь стала нажива.
Здесь можно порою нажиться нехудо,
С набитой мошною уехать отсюда.
Венеция стала сильна и богата —
Не здесь ли стяжала Венеция золото?
Она посещает давно эти страны
И вдаль посылает галер караваны,
И грузит их, Нико, она не холстами —
Торгует гвоздикой, корицей, шелками.
Мы, друг мой, робеем в торговле недаром —

Совсем не владеем купеческим даром:
Тростник поставляем и лес басурманам,
Барыш уступаем купцам чужестранным.
Когда бы мы были немного лукавей,
Мы их бы затмили в богатстве и славе,
И мы б торговали тогда не впустую...
А впрочем, мой Нале, о чём я толкую!
Тебя бы о жизни хотел расспросить я:
Какие в отчизне случились события?
Слышал я: от мору страна пострадала,
Погибло в ту пору сограждан немало.
Пускай наградит их наш Бог-Вседержитель
И примет забытых в Господню обитель!
А коли с чумою ты справился чёрной,
С болезнью любою ты сладишь бесспорно.
Ты силой отмечен и ладно сколочен,
Как тисс долговечен, и кряжист, и прочен.
Ведь четверть ягненка съедал ты, бывало,
В придачу цыплёнка, жаркого немало,
С друзьями гуляя под сенью Парнаса,
Вином запивая горячее мясо.
Обижен судьбою, я горько заплачу,
Коль дружбу с тобою навеки утрачу.
Кто рифмой не хуже владеет, чем Матко,
И пишет к тому же так нежно и сладко?
Тревожусь о Матке: он в Стон перебрался —
В краю лихорадки живым бы остался!
Но тягостней муки, когда умираем,
Скорбя от разлуки с отеческим краем,

Плывёшь на чужбину – и солнце не светит;
А Матко кончину с улыбкою встретит,
Он мир не покинет, останется здесь он,
Поскольку не сгинет краса его песен;
Поёт для влюблённых он песни поныне,
Как пел Арион их, плывя на дельфине.
Хоть дома бывают болезни жестоки,
От них умирают и здесь, на востоке.
Мне страны такие ещё не встречались,
Где жизни людские два раза кончались;
Два раза кончаться захочет ли каждый —
Со светом прощаться приятно ли дважды?
Нас гибель – о Боже! – одна ожидает,
Кто раньше, кто позже сей мир покидает.
О Нико мой милый, ты знаешь прекрасно:
Избегнуть могилы живое не властно.
Я жив, и при этом здоров я покуда;
Здесь гибельно летом, а нынче нехудо;
Зимой расцветают поля и долины,
Плоды созревают, бобы и маслины,
Пройди по базарам: капусты, салату
Дадут, коль не даром – за малую плату.
Ни глада, ни стужи здесь нет и в помине,
А в поле к тому же привольно скотине,
Баранина всюду жирна неизменно,
И льётся в сосуды молочная пена,
В три гроша монетку достань наудачу —
Получишь наседку и яйца в придачу,
И мелочи тоже на рынке достаток:

Динар – не дороже – голубок десяток.
Здесь сыра головки, там бочки сметаны,
На пыльной циновке огромные жбаны,
Здесь столько съестного всегда продаётся,
Лишь сала свиного купить не придётся,
Огромнейшей рыбы цена – полдинара,
Вовек не уйти бы с такого базара!
Хлебов здесь пятнадцать за грош покупаем,
Два наших сравнятся с таким караваем.
Здесь сладостна даже вода из колодца —
В Рагузе не слаже вино продаётся.
Всего не изложишь. Рассказ покороче
И то ты не сможешь дослушать до ночи.
Не край здесь, а чудо, с ним рай не сравнится;
Кто станет отсюда в могилу стремиться?
Я точку на этом поставлю, пожалуй,
Не медли с ответом, бродягу побалуй.
Матьело я тоже поклон посылаю.
(Он жив ли, о Боже!) На этом кончаю.

*Сей Александров град основан Македонцем,
Здесь, Нале, твой брат живёт под жарким солнцем,
Здесь в тысячу пятьсот пятьдесят третий год,
С тех пор когда Господь явил Христа приход,
В день тёплый января на солнечном Востоке,
С тобою говоря, писал я эти строки.*

Динко Ранина 1536–1607

«Не вижу я счастья в именье богатом...»

Не вижу я счастья в именье богатом,
Не стану я властью прельщаться и златом.

Ни белоколонных дворцов мне не надо,
Ни сводов зелёных тенистого сада,

Не любви мне, право, ни дух благовоний,
Ни бранная слава, ни борзые кони,

Ни княжья порфира, ни сладость короны,
Ни таинства мира, ни Божьи законы,

Не жажду постичь я судьбы повеленья,
Не жажду величья, не жду поклоненья.

Все люди во власти тщеславья, наживы,
Мне чужды их страсти, смешны их порывы,

О друг мой, не скрою, я жду одного лишь,
Что вечно с тобою ты быть мне позволишь.

Юрий Баракович 1548–1628

Славянская муза

Как верное чадо, ты должен по праву
Родимого града поддерживать славу,

Отчизны былое ты помнить обязан,
Ты с этой землёю, как с матерью, связан.

Нас мать породила, вскормила, и всё же
Земли этой милой и мать не дороже,

Ведь женское бремя не длится столетье,
В известное время рождаются дети,

А лоно земное и после рожденья
Хранит всё живое, все Божьи творенья.

Адама когда-то земля породила
И вновь без возврата во чреве сокрыла.

Подумай же здраво, настрой свою лиру!
Прошла моя слава – верни ее миру!

Слагай свои песни, любовью пылая,—
В них дух мой воскреснет и слава былая.

Прославить дано мне отчизну родную.
Народу напомни, что я существую!

Хочу объяснитьсь сегодня с тобою,
Не стану таиться, всю правду открою.

Я здешняя вила, славянская муза,
Но жизнь мне постыла и стала обузой.

В безвестности людям темней, чем в могиле,
Себя мы забудем, коль нас позабыли.

Я в нашей отчизне была знаменита,
А ныне при жизни я всеми забыта.

Ты помнишь поэта Морулича славу?
Латинянам это пришлось не по нраву.

Но годы промчались бесследно, и ныне
У нас помешались на школьной латыни.

Все музы стяжали бессмертные лавры:
Своих почитали и греки, и мавры,

Поляки, тевтоны гордятся своими,

У нас же каноны заимствуют в Риме.

Язык свой ругая, сограждане наши
Твердят, что другая поэзия краше.

Но мы бы стяжали всемирную славу,
Когда б уважали язык свой по праву.

Доминко Златарич 1558–1613

«Сегодня тает снег, проснулся мир растений...»

Сегодня тает снег, проснулся мир растений,
И снова человек встречает день весенний,
Я к вам иду, луга, спешу навстречу той,
Что сердцу дорога, что блещет красотой.
Пусть ищет кто другой почёт, богатство, славу,
А мне удел такой, признаться, не по нраву.
Под кровлею ветвей уснуть я был бы рад,
Где свищет соловей, не требуя наград,
Любимую мою его прославят трели,
Чтоб, вторя соловью, и горы зазвенели.
Глупцы! Вам не дано простую суть понять,
Что золото одно не может счастья дать,
Коль совесть нечиста, не пожелаешь трона,
Уж лучше нищета, чем царская корона,
Чем ты бы ни владел, хотя бы всей землёй,
Не сладок твой удел, когда исчез покой.

Паское Примович 1565–1619

«Фигли строила ты двум молодцам в сутанах...»

Фигли строила ты двум молодцам в сутанах.

Сколько мне пришло на ум мыслей нежеланных!

Или вправду промеж вас шашни? О Создатель!

Всё проведает тотчас грозный настоятель.

Он таков, душа моя, – все пред ним робеем,

словно малая змея перед лютым змеем.

Как ты терпишь, ангел мой, черноризцев рядом?

Уж меня ты удостой благосклонным взглядом.

А тебе я послужу честно, без обману,

днём и ночью госпожу ублажать я стану.

«Фра Мартин зазвонил в свои колокола...»

Фра Мартин зазвонил в свои колокола,

денницу возвестил, и – светлая взошла.

Измученный тоской, сомкнуть я глаз не мог,
лишь утренней порой уснул без задних ног.
О, как был счастлив я, когда в чудесном сне
владычица моя пришла в постель ко мне.
Когда обнять хотел я несравненный стан,
вдруг сон мой улетел, растаял, как туман.
А мне опять страдать, смиряя горький стон.
О, если бы опять увидеть этот сон.

Хорацие Мажибрадик 1566–1641

С острова Млет

Отверженным я стал, наказан за грехи я,
живу средь голых скал в плену морской стихии.
Ревет прибой всю ночь и днём рыдает снова,
уходит радость прочь от проклятого крова.
А для благих бесед на тихих побережьях,
к несчастью, места нет, поскольку нет заезжих.
Царящий надо мной закон жестокий рока
нас разлучил с тобой, унёс меня далеко.
И твоему рабу влачить, увы, до гроба
злосчастную судьбу, чья непомерна злоба.
Отчаясь, восстаю и вслух клянусь светила,
чья воля жизнь мою твоей красы лишила.

Иван Гундулич

1589–1638

«В деревцах кудрявых ветры зашумели...»

В деревцах кудрявых ветры зашумели,
 радостно в дубравах соловьи запели,
Ручейков напевы ранний луч встречают,
 и венками девы юношей венчают.
Дудочки пастушьи песнь слагают милым,
 услаждая души ясноликим вилам.
Вилы голосисты водят хороводы
 там, где брег тенистый и прозрачны воды.
Но к чему всё это? Что мне ясны зори?
 Не найти привета мне в любимом взоре.
Струи зажурчали, ветер вздохнул глубоко —
 мне в слезах печали слышен рёв потока.
В каждой песне – стоны, в мыслях – горечь яда,
 сердце – луг зелёный, где моя отрада.
В этом ярком свете тьма слепит мне очи,
 ничего на свете, кроме вечной ночи.

Из французской поэзии

Бонавантюр Деперье
ок. 1510–1544(?)

Любовь

Вышел на праздник
Юный проказник,
Без упоенья и слёз,
В день изобилья
Новые крылья
Сплел он из лилий и роз.

Сладости любит,
Но лишь пригубит —
Вмиг улетает, пострел,
В этой снующей
Праздничной гуще
Мечет он молнии стрел.

Сколько ни встретит,
В каждого метит,

В сердце стремится попасть.
Лучник умелый
Шлёт свои стрелы,
Яд их погибельный – страсть.

Смех твой – награда
Тем, кто от яда
Гибнет, печаль затая.
Мальчик жестокий!
Наши упрёки
Мать услышала твоя.

Взор её строгий
В смутной тревоге
Ищет тебя на лугу,
В дикорастущих
Чащах и пушах,
В праздничном шумном кругу.

Пьер де Ронсар 1524–1585

Кот

Реми Белло, поэту

Бог вездесущ, и всё в руках Творца:
Любая жизнь с начала до конца.
А дух Его – ограда и опора
Всему, что есть, что требует призора.
Он душу влил в скудели наших тел,
Чей каждый член давно бы омертвел,
Когда б сия Божественная сила
Недвижный механизм не оживила,
В движение его не привела.
Она – всему начало; все тела —
Из элементов, сущих во вселенной;
Дырявят стрелы дней покров наш бранный,
Душе не страшен времени закон,
Она – от Бога, вечная, как Он,
Бессмертна так же, так же совершенна,
Часть существа, не знающего тлена,
Не может ни возникнуть, ни пропасть,
Поскольку вечны целое и часть.

А дух преблагий, растворённый бездной,
Вращает звёзды, движет свод небесный
И волны моря, а земля даёт
Листву, плоды и злаки в свой черёд;
Я – о земле, счастливой в звёздном храме,
О матери с набухшими сосцами,
С широким лоном, породившим встарь
Зверей, пернатых, водяную тварь,
Все, друг Белло, зачаты в этом чреве —
И те, кто на скале или на древе
Свивает гнёзда, даже груды руд:
Алмаз, индийский яхонт, изумруд,
Сапфир и жемчуг – все они оттуда,
А дух им дарит мощь, являя чудо,
Тем дарит малость, этим – в самый раз.
А сколько, люди, этой силы в нас?
Ты помнишь, как святую Иудею
Господь возвысил пред землёю всею,
И боговдохновенная страна
Явила нам пророков имена?
Здесь местность, воздух, климат преуспели,
И дух здоровый жил в здоровом теле,
Здоровье плоти выше прочих благ,
А сила духа озаряет мрак.
Так среди тысяч смертных единицы
Рождаются – авгуры и провидцы, —
Являя поколениям иным
Свою причастность к сферам неземным,
Так среди нас рождаются Сивиллы

От жалких жен, чем ум ничтожной силы,
Так от скотов рождаются на свет
Предвестники грядущих наших бед,
Кто, прозревая знаменье Господне,
Желает смертных просветить сегодня.
Так наш Отец Небесный захотел,
Бессонный попечитель наших дел.
Он окружил заботой благотворной
Животных разных на земле просторной,
Чтоб мог прозреть и не блуждать во мгле
Тот, кто толкует о добре и зле.
Отсюда и авгуры, взор которых
За птичьей стаей следовал в просторах,
Им знаки тайные чертил полет
По воле Божьей, а ведь Бог не лжёт.
Дома людей он одарил сторицей,
Гусями, петухами, всякой птицей,
В чьём пенье и повадках много раз
Нам Провиденье свой являло глас.
Цветы в садах, кусты, деревья, травы
В пророчествах своих нередко правы,
Пример подобный был в мой судьбе.
Послушай, что поведаю тебе.
В моём саду произрастало древо,
Дочь фессалийских рощ, младая дева,
Которая, чтоб избежать любви,
Преобразила волосы свои
В листву, шумящую порой весенней,
И я её сильнее других растений

Любил, лелеял, поливал с утра
И вечером, всё ждал: придёт пора,
И юный лавр раскинется широко.
Мы вправе полагать, а воля Рока
Располагает. Скоро грозный Рок,
Свалив мой лавр, мне преподал урок.
Я на рассвете видел: дерево было,
А часом позже дьявольская сила
Его повергла. Смертный человек
Столь быстро не свалил бы ствол вовек.
Я видел: чахло дерево, так похоже
На хворого, простёртого на ложе,
Вот так и я потом страдал больной.
Оно мне говорило: «Демон мой
Меня сразил, и скоро лихорадкой
Тебе болеть». Пролив слезу украдкой,
Бежал я прочь. Какой-то срок прошёл,
Я вышел в сад, но где сражённый ствол?
Исчез, как на заре туман летучий,
Как под лучами исчезают тучи.
С тех пор прошло два месяца, и вдруг
Убила лошадь одного из слуг,
Так сильно голова была пробита,
Что брызнул липкий мозг из-под копыта,
В агонии ко мне воззвал бедняк.
О, этот взгляд! Какой недобрый знак!
Я сразу понял, что придётся вскоре
Каких-то неприятных ждать историй,
И вот прошёл уже почти что год,

Как я в жару и лихорадка бьёт.
Но к ворожбе способней твари прочей
Печальный кот с его душой пророчьей,
Не зря Египет почитал котов
В ряду псоглавых лающих богов,
К своим святыням причислял их смело.
Душа святая, движущая тело,
Даёт нам зренье, чтобы не упасть
И прозревать грозящую напасть.
Я кошек не терплю. Кому на свете
Вот так же ненавистны твари эти?
Когда я вижу этот лоб и взгляд,
То поскорее прочь убраться рад.
Я содрогаюсь весь, узрев такое,
И до сих пор коты в мои покои
Нос не совали, чуя наперёд,
Что здесь не терпят даже слово *кот*.
Один из этого отродья всё же,
Облюбовав себе помягче ложе,
Лёг на подушку, где я спал без ног,
Привычно завалясь на левый бок,
Как сплю я всякий раз, покуда в уши
На зорьке не ударит крик петуший.
Но гость незванный замяукал вдруг,
Я вне себя вскочил и кликнул слуг;
Один зажёг огонь, другой при этом
Сказал, что добрый знак по всем приметам —
Приход и ласка белого кота,
А третий мне сказал, что нищета

Придёт к концу и прочие напасти,
Что одинокий кот приносит счастье.
Насупив брови, я ответил так:
Мяукающий кот – недобрый знак,
Ведь это значит, что придётся вскоре
Принять мне муки от жестокой хвори,
Безвылазно сидеть в своем скиту,
Подобно домовитому коту,
Поскольку тот не покидает стены
Ни летом, ни зимой: как страж бессменный,
Блуждает непрестанно день и ночь
В пределах дома и – ни шагу прочь,
Так и несёт он свой дозор по дому
Под стать рачительному часовому,
Как пёс и гуси, чей скрипучий глас
От галльских полчищ Рим когда-то спас.
Ещё есть черепаха и улитка,
Которые ползут не больно прытко
И тащат на спине свой дом родной,
Где отдых обретают и покой
И думают, что кров их невесомый —
Огромные и пышные хоромы.
Тот, кто улиток или черепах
Узрел во сне, пускай отбросит страх;
Но если аист иль журавль приснятся,
Вот верный знак, что предстоит скитаться,
Поскольку путь у этих птиц далёк,
Они бегут посредством быстрых ног
И вдаль стремятся на крылах парящих.

А вот, к примеру, волк: он бродит в чащах
Вдали от дома: знайте, будет толк,
Когда болящему приснится волк.
Пророчит сон, что хворый понемногу
Излечится и скоро – в путь-дорогу.
Животных научил всесильный Бог
Вещать нам правду. Тот рассудком плох,
Кто все приметы почитает ложью:
Везде, во всем мы видим руку Божию.
Белло! Я в море воду лью, а в лес
Ташу побегу свежие древес,
Хваля тебя, столь славного собрата,
Переложившего стихи Арата
О тайных знаках всякого живья,
Которые Создатель бытия
Дал смертным людям, тёмным, неучёным,
В небесные дела не посвящённым.
Так Он судил, любя своих детей,
Не обошёл их милостью своей,
К ногам людей поверг Господь великий
Животный мир огромный, многоликий,
Ведь человек в ряду существ живых —
Творенье совершенней всех других.

Из сонетов к Елене

О, стыд мне и позор! Одуматься пора б,

С седою головой резон угомониться.
Отныне лучше бы рассудку покориться,
Бежать бы от любви, от этих цепких лап.

Сто раз давал зарок, но что мне делать? – слаб.
Зимой бутонам роз, увы, не распуститься.
Уже полсотни лет моя неволя длится,
Разбойнице служу, её галерный раб.

Отныне я готов доверить сердце в руки
Лишь Аристотелю, хочу служить науке,
Прекрасной дочери его, остаток лет.

Пора бы мне понять все тонкости Амура.
Он – бог и он парит, а я брожу понуро.
Он молод, он силён, а я согбён и сед.

«Иные, сбросив плоть свою...»

Иные, сбросив плоть свою,
Являются в краю далёком:
Кто превращается в змею,
Кто камнем станет ненароком.

Кто деревом, а кто – цветком,
Кто – горлицей, кто – волком в чаще,
Тот – говорливым ручейком,

А этот – ласточкой летящей.

А я зеркалом стать готов,
Чтоб ты всегда в меня глядела,
Иль превратиться в твой покров
И твоего касаться тела.

Мне б стать водою, чтоб ласкать
Волной дрожащей стан пригожий,
А может быть, духами стать,
Впитаться этой нежной кожей.

Мне б лентой стать, чтобы обвить
Вот эти перси молодые,
Я мог бы ожерельем быть
Вокруг твоей точеной выи.

Я был бы всем, я стать не прочь
Твоих прекрасных губ кораллом,
Чтоб в поцелуях день и ночь
К ним прикасаться цветом алым.

Гийом дю Бартас 1544–1590

Из поэмы «Неделя, или Сотворение мира»

День первый

Отрывок

Несёт прохладу ночь, дневной смиряя зной,
И, нивы освежив и небеса росой,
Отдохновение дарует нам, усталым,
Заботы наши скрыв под чёрным покрывалом,
Распахивает ночь широкие крыла,
И весь безмолвный мир их тень обволокла,
И льётся тишина и ласка струй дремотных
По жилам и костям натруженных животных.

О ночь, нам без тебя не жизнь была бы – ад,
Где жажда и тоска, где горести царят,

Где тысячи смертей, где мукам нет предела,
Где и душа страдать обречена и тело.

.....

Тому, кто осуждён за грех на тяжкий труд,
На поиски в горах каких-то ценных руд,
И тем, кто у печей стоит, подобных аду,
Всем горестным сердцам дарует ночь отраду.

И тем, кто борется с напором быстрины,
Влача на бечеве гружёные челны,
Вдоль пенных берегов шагая до упаду,—
На жестком сеннике дарует ночь отраду.

И тем, кто в дни страды руно равнин стрижёт,
Кто падает без сил в конце дневных работ,
Усладу ночь дарит в объятиях подруги,
Даёт забыть во сне усталость и недуги.
Когда приходит ночь, когда весь мир почил
Под сенью влажною огромных черных крыл,
Лишь дети новых Дев бессонны в эту пору,
Они устремлены к небесному простору,
Они ведут людей за облачный покров,
Взмывая на крылах своих летучих строф.

День второй

Отрывок

Поклон тебе, земля, вместилище плодов,
Здоровья, злаков, руд, народов, городов,
Земля-кормилица, о, как ты терпелива!
В недвижности своей ты хороша на диво,
Благоуханная, одетая в наряд,
Где вытканы цветы и ленты рек пестрят.
Поклон тебе, земля, о корень сокровенный,
Стопа животного – его зовут вселенной,
Избранница небес, подножие дворца,
Чьих ярусов не счесть, чьей выси нет конца.
Поклон тебе, сестра и мать царя природы,
Владычица всего: огни, ветра и воды
Подчинены тебе. Как ярко озарил
Тебя простор небес сиянием светил,
И солнечный огонь, плывя по небосводу,
Струит сквозь облака свой жар тебе в угоду,
И, остужая зной, доносится с морей
То ласковый зефир, то яростный борей,
Вода морей и рек тебя омыла щедро,
По венам, словно кровь, в твои струится недра.
Мне горько сознавать, что лучшие из нас

Тебя, моя земля, не жалуют подчас,
Ведь лучшие умы считают, что зазорна
Работа пахаря и тех, кто сеет зерна,
Что участи такой достоин лишь глупец,
Чьи руки словно сталь, а разум, как свинец.

Теодор Агриппа д'Обинье 1552–1630

«О, сжальтесь, небеса, избавьте от напасти...»

О, сжальтесь, небеса, избавьте от напасти,
Пучина, смилуйся, смири свой грозный вал,
Он смертным холодом уже сердца обдал,
Так пощадите ж тех, чьи судьбы в вашей власти!

Корабль трещит по швам, не выдержали снасти,
Увы, надежды нет, последний рвётся фал,
Ветрила рухнули, всё ближе зубья скал,
В чьей гордой красоте зловещий знак несчастий.

Превратности судьбы зыбучи, как пески,
Рыдания, словно гром, как вихри – вздох тоски,
Надежды тщетные подобны зыбкой пене,

Где любящих сердца, превозмогая страх,
Плывут почти без сил в бушующих волнах
Навстречу гибнущим, молящим о спасенье.

«Ронсар! Ты щедрым был, ты столько дал другим...»

Ронсар! Ты щедрым был, ты столько дал другим,
Ты одарил весь мир такую добротой,
Весельем, нежностью, и мукой, и тоскою,
И мы твою любовь, твою Кассандру чтим.

Её племянницу, любовью одержим,
Хочу воспеть. Но мне ль соперничать с тобою?
Лишь красоту могу сравнить одну с другою,
Сравнить огонь с огнём и пепел мой с твоим.

Конечно, я профан, увы, лишённый знания
И доводов. Они полезны для писанья,
Зато для нежных чувств они подчас не впрок.

Восходу я служу, а ты вечерним зорям,
Когда влюблённый Феб спешит обняться с морем
И повернуть свой лик не хочет на восток.

«В неровных бороздах убогие ростки...»

В неровных бороздах убогие ростки

До срока родились, но холод грянул снова,
Чтоб с юной красотой расправиться сурово,
И вновь пришла зима природе вопреки.

Для чахлой поросли морозы нележки,
Но ей на выручку прийти метель готова,
Укроет белизна надёжного покрова
И вдосталь напоит весною колоски.

Надежды любящих – ростки хлебов зелёных,
Обида и разлад, как изморозь на склонах,
Когда погожий день ещё за тучей скрыт.

Таится блеск весны под сумрачную тенью,
Размолвки любящих приводят к примиренью,
А гневная гроза возврат любви сулит.

«Рыданья горестные, вздох печали...»

Рыданья горестные, вздох печали
И слёзы, застилающие взор,—
В них боль моя, обида и укор —
Они мои мученья увенчали.

Надежды призрачные, как вначале,
Смятенье мыслей и страстей раздор —
Агонии моей наперекор

Все эти чувства вновь затрепетали.

Ты слышишь, небо, мой посмертный стон,
Он сдавлен горем, смертью заглушён,
Ты покарай раскаяньем Диану.

За то, что навязала мне вражду,
Желала, чтобы я сгорел в аду,
И нанесла мне гибельную рану!

«На строгий суд любви, когда меня не станет...»

На строгий суд любви, когда меня не станет,
Моё истерзанное сердце принесут,
Кровоточащий ком, обугленный, как трут,
Свидетельство того, как беспощадно ранят.

Перед лицом небес несчастное предстанет,
Где отпущение лишь праведным дают,
Оно всю боль свою слепой Любви на суд
Представит, а тебя в ответчицы притянет.

Ты скажешь: это всё Венера, всё она,
И озорник Амур... мол, не твоя вина.
Но ведь на них валить – нехитрая наука.

Смертельный этот жар сама ты разожгла,
И если Купидон пустил стрелу из лука,
Твоя зеница – лук, твой быстрый взор – стрела.

«Ни молния, ни зной не тронут стебелька...»

Ни молния, ни зной не тронут стебелька
Прижавшейся к земле ползучей повилики,
Вовек не поразит сей гнев небес великий
Былинки тоненькой и нежного цветка.

Но кедр, уткнувшийся вершиной в облака,
Но стены крепостей и скал высоких пики
От бурь и войн дрожат, и гордому владыке
Грозит Юпитера разящая рука.

К примеру вспомните того, кто, как хозяин,
Топтал несчастный край от Сены до окраин.
Другой всю Францию возвёл на эшафот,

Он солнцу господин, ему покорны луны.
Так всякий, вознесясь, нисходит в свой черёд,
Покорно следуя за колесом фортуны.

«Осточертело мне транжирить мой досуг...»

Осточертело мне транжирить мой досуг,
Свободу продавать мне больше неохота,
На что-то уповать и ублажать кого-то,
Во имя долга быть одним из верных слуг.

Мне больше по душе пустынный горный луг,
Ночлег под скалами и мрак под сводом грота,
Густая сень лесов, где нега и дремота,
Где столько отзвуков рождает каждый звук.

Принцесс увеселять и принцев надоело,
И даже мой король, который то и дело
Мне дарит милости, увы, постыл и он.

От почестей и ласк держаться бы подале,
Не надо их совсем, уж лучше быть в опале,
Чтоб не кричал никто, что я хамелеон.

Утренняя молитва

Восходит солнце вновь и огненной короной

Сияет в дымке золотой.
Светило ясное, огонь любви святой,
Пронзи потемки душ стрелою раскалённой,
Погожим днём нас удостой.

Но солнце всякий раз становится смиренней,
Смежает свой слепящий взор,
Когда над всей землёй, поверх долин и гор,
Плывёт завеса мглы, скопление испарений,
Скрывая голубой простор.

Господень ясен лик, но свет его мы застим
Пустыми тучами грехов,
Когда они ползут, стеля сплошной покров,
Всплывают над землёй, становятся ненастьем,
И чёрный небосвод суров.

Но полог сумрачный колеблется, редет.
Его пробил могучий свет.
Бегите прочь, грехи! Нам солнце шлёт привет,
Оно своим лучом ваш тёмный рой рассеет.
Развеет – и завесы нет.

Из праха нам восстать, над мраком, над могилой,
Как день из ночи восстаёт.
И если смерть – врата во тьму, то в свой черёд
Любой погожий день – кончина тьмы унылой.
А жизнь над смертью верх берёт.

Из «Трагических поэм»

Книга пятая

Мечи

Бог отвратил свой взор от проклятой юдоли:
Сиянье, жизнь, закон и вера поневоле
Взмывают к небесам, и вот густая мгла
Весь дол и жителей его обволокла.
Бывает, что король, который честно правит,
Покинет стольный град, дворец и трон оставит,
Затем чтоб совершить своих земель объезд,
Проверить рвение властей далёких мест,
Чтоб губернаторов сменить несправедливых,
Чтоб где-то усмирить бунтовщиков ретивых
И, завершив свой путь окружный, наконец,
Вернуться в стольный град, вернуться в свой

дворец:

Его встречает двор и весь Париж встречает,
И не находят слов, и в нём души не чают,
И сбивчиво твердят, что плакала земля,
Не видя радости, не видя короля,
Что радость вновь пришла с возвратом властелина.
Вот так же (пусть для нас и неясна картина,
Но дал ведь нам Господь священный свой Завет,
Где смертным разрешил узреть небесный свет)
Царь неба, в чьей руке все короли, все принцы,

Устав от суеты мятущихся провинций,
Вновь сел на свой престол, восславлен и велик,
Небесным жителям явил свой светлый лик.
Стремясь к его лучам, бесчисленные гости
Летят к Всевышнему в чертог слоновой кости,
Милльоны подданных спешат предстать пред ним,
Чтоб солнце увидать. Здесь каждый серафим
Восторженно глядит на светоч негасимый,
А вот почтительно склонились херувимы:
Кто заслони́л лицо, кто наг, а кто одет.
Как ярко отражён от них Господень свет!
Господь в самом себе соединяет, к счастью,
Свеченье ясности с могуществом и властью,
И власть Всевышнего законам всем закон,
Над всеми тронами его вознёсся трон.

Нечистый дух возник в собранье чистом этом,
Замыслил злобный враг взять в руки власть
над светом,
В сонм ангелов тайком пробрался Вельзевул,
Но от всевидящих очей не ускользнул.
Он Бога ослепить хотел заёмным блеском,
Под видом ангела парил он в свете резком,
Был ясен лик его, лучился яркий взгляд
Притворной добротой, а как сверкал наряд:
Безгрешной белизной ласкали складки зренья,
И белоснежное мерцало оперенье
Скрещённых за спиной недвижных лёгких крыл.
Убор свой и слова Нечистый отбелил,

Он кроток, он совсем от нежности растает.
Но вот Господь его за шиворот хватает,
От прочих тащит прочь, и молвит Царь Небес:
«Откуда взялся ты? Что затеваешь, бес?»
С поличным пойманный, почти лишённый

чувства,

Дух искусительный забыл свое искусство,
Волосья дыбятся, наморщено чело,
Из-под густых бровей два глаза смотрят зло,
Такое белое недавно покрывало
Вдруг изменило цвет, узорной кожей стало,
При линьке сброшенной, оставленной в пыли
Змеёй, которую очковой нарекли.
Нет больше нежных щёк с цветущими устами,
Лик ангела исчез, лик дьявола пред нами.
Все скверной полнится, хоть вёдрами разлей,
Ужасен этот лик, пред нами лютей змей:
Исчезла белизна и перьев изобилье,
Из коих смастерил он ангельские крылья,
Как цвет их потемнел, они уже черны,
Накрап огня горит на крыльях Сатаны,
Он крапчат, как дракон из африканской чащи,
Он шкурой аспиды оделся настоящей,
Он лёг на небосвод, рядясь во все цвета,
Он брюхом пожелтел и почернел с хвоста.
Изогнутый в дугу, он весь пропитан ядом,
Так мнимый ангел стал подобен злобным гадам.
Надменное чело и лживые слова
Поникли пред святым дыханьем Божества.

Кто видел, чтобы вор, срезающий привычным
Приёмом кошелёк и пойманный с поличным,
Стал отпираться бы, придумывая ложь?
И Сатана смекнул: так просто не уйдёшь,
Куда б ты ни бежал, Господень перст достанет,
А разве кто-нибудь Всевышнего обманет?
Любой поспешный шаг – нас кара ждёт сполна,
И хриплым голосом дрожащий Сатана
Ответил: «Я хочу сойти на землю нашу,
Повсюду заварить хочу крутую кашу,
Прельщать, обманывать, в соблазн вводить везде
Богатых в роскоши, а бедняков в беде.
Иду, чтоб на земле повсюду строить козни,
Твой храм спалить огнём, меч обнажить

для розни,

В темницах сумрачных, где сырость и гнильца,
Свободой соблазнять нетвёрдые сердца,
Варганить чудеса пред скопищем народным
И тысячи ушей приставить к благородным,
Сердца влюблённые красою поражать,
В жестоких хитростью жестокость умножать,
Не дать насытиться скотам пороком грубым,
Скупцам – богатствами, а властью – властолюбам».

Всевышний молвил так: «Припомни, Сатана,
Моих воителей ты испытал сполна,
Смутился духом ты, бледнел, покорный силе,
Когда сподвижники мои и смерть разили,
Лишённых разума разили наповал;

Зубами ты скрипел, как бы от ран страдал,
Тебя корёжили краса и мощь вселенной
И вид людских обид, и гибель плоти брэнной.
Обиды множил ты; пусть я позволил сам
Святую рать мою предать её врагам.
Когда природа вся над мёртвыми скорбела,
Ты побеждённых душ не видел – только тело».
Лукавый дух в ответ: «Давно известно мне,
Что в жизни тягостной и смерть сойдёт вполне.
Ты радостей лишил немало душ, недаром
Они иссушены подвздошным горьким паром,
Измучась страхами, творят себе тюрьму,
Свой разум погрузить они хотят во тьму.
Повсюду гонят их, и так они устали,
Что склонны отдохнуть в цепях, в сыром подвале;
Бедняг лишили благ, их голод столь свиреп,
Что снится им тюрьма, там есть и кров, и хлеб.
Живя без радостей, неужто не молили
Они, чтоб кончились недуги их в могиле?
В глухих узилищах, где в зной не отдохнуть,
Хотелось им не раз уйти в последний путь,
Снимают груз оков, на волю выпускаая.
Как утешительна свобода, хоть такая!

В сердцах отчаявшихся мрак тюрьмы царит,
Для них пожаров свет надеждою горит,
Коль хочешь, чтоб они свой умысел признали,
Избавь их от оков, огня и острой стали;
Довольство им сули и много перемен,

И процветание злосчастиям взамен,
Брось их в сражение, в огонь, зажги в них злобу,
Пусть вывалят они из недруга утробу,
Пусть ощущают кровь; зажги в глазах огни
Во имя натиска, победы и резни,
Дай им низвергнуть власть правителей провинций,
Пусть в их толпе пойдут сиятельные принцы,
Ходатаи добра и чести, а засим
Мы царство короля соединим с Твоим.
С попутным ветром в бой пойдут бесстрашно

люди,

Кому пособник я в грабительстве и в блуде;
Чтоб их к себе привлечь, чтоб были на виду,
Для них я небеса в зеркале возведу:
Твой искажённый лик, представь, покинет вскоре
Их грубые сердца; дай волю этой своре,
Попробуй испытать любого храбреца,
Пусть когти выпустит, отведает мяса;
Позволь им, Господи, забыть святую веру,
Позволь им уповать, ну, на вождя, к примеру;
Погибнут лучшие в сражении вожди,
А духом слабые, – тут верности не жди,—
Их тут же предадут, ведь веры нет в помине,
Тебя же оскорбят и все Твои святыни.
А коль Тебе урон, я головню припас,
Своё оружие держу я про запас:
Я деньги в ход пушу, не пожалею злата,
Когда король-скупец отчалит без возврата.
Из сотен мудрецов и тысяч храбрых душ

Не всяк откажется принять кровавый куш.

Придерживаясь лжи, я возвещал победы,
Когда Израилю Михей пророчил беды* .
Так я испытывал и пастырей-святош
Позорной платою, так дух, несущий ложь,
Давал затрещину Михею и, лукаво
Меня голоса, вселялся в причт Ахава.
Любой Седекия удачлив и богат,
Рядясь в Спасителя, угодники царят;
Отполирует вмиг язык льстеца любого
Двусмысленную речь и многозначность слова.
Скинь кандалы с меня, отдай мне в руки стан
Восславивших тебя упрямцев-христиан,
Уж если осрамлюсь, я Церковь удостою
Высокою хвалой, признав ее Святою».
Предвечный Сатане отвечив: «Ну что ж,
Иди и большинство железом уничтожь,
Как хочешь поступай, но под моею сенью
Есть души избранных, идущие к спасенью.
Лишь тех поймаешь в сеть, кто мною осуждён,
Кто создан для того, кто будет вслед рождён;
Ладьи моих побед, бойцы, мои по праву,
Служа тебе, хитрец, мою умножат славу».

Расколот небосвод, расколотый гремит,
Небесную чуму на Францию стремит.
В коловращении стихии, в круговерти
Смешалась с воздухом шальная бездна смерти,

Грохочет в барабан, в литавры бьёт она,
Царил в пространстве мир, теперь идёт война,
И сотни тысяч душ людских остервенело
В слепом безумии стремятся вон из тела.
В том смерче Сатана, уже смиряя пыл,
Над Сеной пролетел, на пенный брег ступил.

Едва на землю став, он выдумал такое:
Невиданный дворец, роскошные покои.
Он сочинил чертёж, когда была чума.
Руины он узрел, все оглядев дома:
Тут хватит кирпичка. И Дух, живущий в змее,
Вполз в королеву-мать^{*}; чтоб там царить вернее,
Внушил ей чудеса: фасад, колонны в ряд,
Круженье флюгеров и мрамор балюстрад,
И лестницы, и луч на куполе высоком,
Порталы пышные и позолоту окон.
А залы, комнаты, весь этот блеск внутри...
Ну, словом, это всё назвали Тюильри^{*}.
Немедля дьявольские мысли овладели
Воображением греховным Иезавели^{*},
Пороки прочие убила эта страсть,
Всё, что помеха ей, должно тотчас пропасть,
Одна теперь мечта живёт, одно виденье,
Что – кровь! Недорога. Дороже наслажденье.
Горящий алчный взор, любой доход любя,
Немало в Лувре жертв наметил для себя.
Жадна разбойница, а искуститель хитрый

Советы ей даёт, покачивая митрой,
В личине пастыря, её духовника,
Смущает он и в плен берёт наверх
Сердца и слух, и кровь, и разум высшей знати,
Уже он всюду вхож, в суде он и в сенате,
Он в тайный влез совет, а для иных интриг
Меняет образ свой на женский нежный лик,
Зане красавицы всегда легко прельщали.
А если надобно, уже он в сенешале:
Морщины, седина, походка нелегка,
Спина согбенная, в руке дрожит клюка,
Присловья сыплет бес, как должно старикашке,
Усвоил старческие прочие замашки.

То он по виду хлыщ, то он среди святош,
Обвязан чётками, на схимника похож,
В какой-то рясе он, под капюшоном в стужу,
Но посинел, дрожит, ведь полступни наружу* .
То в братстве он невежд, чья гордость темнота,
То властный он король, чья совесть нечиста,
То светоч знания, хранящий мудрость строго,
То в маске он двойной и лжёт во имя Бога.
Он может стать судьёй, дабы попать закон,
Он станет золотом, чтоб взять скупца в полон.
На высшие места из римского синклита
Своих он ставит слуг и вводит их открыто
В соблазны многие, к тому же хитрый тать,
Втащив их на гору, сулит весь мир отдать* .
Сеньора юного на торг Лукавый тащит:

Пусть Францию продаст и лишний грех обрящет.
Сбивает он с пути и верных христиан,
Слепую веру их легко ввести в обман.
На жалость Дьявол бьёт, напомнит бед немало,
Дав горечи душе, которая устала,
Лишает нас надежд, ломает нам крыла
И душит, раскалив терпенье добела;
Надежда кончилась, неистовство приходит,
Являя мощь свою, нас в дебри бес заводит;
Кто первым поднял меч, свирепо рвётся в бой,
И отбивается неистово другой.

Князь Тьмы продумал план и, лишних слов

не тратя,

В державы Запада свои скликает рати,
И чёрных ангелов рои уже летят,
Дабы спустить с цепи остервенелый ад.
Клеветы Дьявола, порой надев сутану,
Искусно образа малюют Ватикану,
Антихрист сам глядит на сгнувших в резне,
Плодами рук своих доволен он вполне.

Но если ад восстал и небо задрожало,
Бессонны ангелы, у коих дел немало:
Овечек стерегут; и сил небесных стан
Жестокою напасть отвёл от христиан.
Так противостоят бойцы двух ратей истых,
Отважные ряды нечистых сил и чистых.
Здесь каждый светлый дух, исполнив свой урок,

Взлетает в небеса почить на краткий срок,
Как стрелка компаса, трепещет он над бездной
На синей паперти бескрайности небесной.
На дивном полотне Создателю видны
Его воители и войско Сатаны,
И настоящий рай, как в лучшей из мистерий,
Сверкая красками, горит на горней сфере * ,
Всё ярче на холсте бессмертные тона,
Чьим светом высота и глубь озарена.
Работа Божьих слуг, художников прекрасных,
Божественной красой ласкает взор несчастных,
Кто мучеником был во время грозных дней;
Сравнима ли пора клинков с порой огней?
Так душам доблестным, почившим в горних

кущах,

Был явлен горький рок детей их, вслед идущих:
Отцы увидели их стойкость в гуще бед,
Цвет поколения, чья воля с детских лет,
Ступая по пятам, отцов теснила сзади.
Другие видели с небес, к своей досаде,
Потомства тусклый лик, презренный жалкий род,
И гневались в душе, хотя в краю высот
И нет земных страстей, хотя в святом чертоге
Лишь ревность к Господу, лишь свет и слава в Боге.
Чтоб славы этой свет не гас в сердцах сынов,
К отступникам всегда был приговор суров,
Не важно для небес, кому вы вслед идёте,
Что значит там родство по крови и по плоти!

Узрели небеса: лишь руки опустил
Усталый Моисей, Израиль отступил,
Лишь поднял длань Господь, воспрянули евреи * ;
Иссякнут силы в нас, но с верой мы сильнее;
Когда в гордыне мы, уходит вера прочь,
Без Божьей помощи кто в силах нам помочь?

Поборники небес, отдавшие отчизне,
Законам и Христу свои сердца и жизни,
Сражения могли узреть издалека,
Отряды малые, огромные войска;
Тот, кто на небеса попал из гущи боя,
Узрел глаза в глаза своё лицо другое.
Искусное перо в деснице держит Бог,
В которой иногда карающий клинок,
И сокровенные заветы и деянья,
Столетия, дни, часы живут в летописанье
Под кистью мастера; не знал с начала лет
Такой истории священной белый свет.
Как чудеса времён и всех событий диво
Руками ангелов расписаны красиво * ,
Как всё расчислено, всё соразмерно тут,
Древнейшие века как ярко предстают!
Ни мрак невежества, ни зло, ни царь трусливый
Не в силах очернить истории правдивой.

Удастся избранным заметить на холсте
То, в чём бессильна кисть, а в строчек наготе
Увидеть блеск мечей, услышать злобы кличи

Во имя разных вер и племенных различий,
В незримой летописи, в мирных небесах
Им явится война, неистовство и страх.
Там некогда они увидели впервые
Картины бытия, прекрасные, святые.

А вот пред вами встал слепой Беллоны * лик,
Которая себя убить готова вмиг,
Не терпит целого, обломки ей дороже,
Когтями рвёт она куски своей же кожи,
Извивы кос её – сплетенья серых змей,
Являющие живот и грудь, и спину ей,
Но с радостью она укусов сносит тыщу,
Дана волчице кровь и мертвечина в пищу.

А вот всей Франции предел пред нами лёг:
Сухой в жару Прованс и храбрый Лангедок,
Вот Пикардии пыл, Нормандия в тумане,
Всеядный Пуату и вольный край Бретани,
Достойный Дофинэ, Сентонж – ты только глянь! —
Строптивый Бургиньон, весёлая Шампань,
Богатства Лионне, Гасконь, страна отваги,
Чьи дети шляются по всей земле, чьи шпаги
В рядах наёмников стоят за верный куш
На страже веры, благ и тайн трёх тысяч душ.
А тайна главная в трёх головах созрела,
Их вера отцвела, весною облетела.
Она жила в бойцах, но без удил сердца
Дышавших воздухом растленного дворца.

Французы спятели, им отказали разом
И чувства, и душа, и мужество, и разум.

Как отвратителен войны гражданской вид!
Селенье мертвецов у ног её лежит,
На пустоши большой останки убиенных,
Тела несёт река, тела висят на стенах.
А вот на площади огромный эшафот,
Одна из жертв глаза возводит в небосвод * ,
Как бы моля взглянуть на кровь казнённых прежде,
А после записать всё это, и в надежде
Кровавые от брызг ладони тянет ввысь:

«Господь карающий, взгляни и отзовись!
Здесь тысячи смертей, отмсти, Господь, за муки,
Воздень скрещённые свои у сердца руки».

И сила ратная нагрнула потом *
Завесой дымовой, железом и огнём,
Здесь чёрных рейтаров * беспутные оравы
Трагедию несут французам и расправы.
Два войска здесь сошлись, двум принцам их вести * ,
Тот и другой, увы, у неба не в чести.
Вот ровный дол близ Дре, победы славной поле,
Тягались два вождя, две рати в этом доле.
Как мостовой бредёт нетрезвый пешеход:
Качнётся, шаг назад и снова шаг вперёд,

Так натиск и отход сменялись в каждом войске,
Пьянит французам кровь в бою порыв героический,
Но победители порой побеждены,

Как те, что Кадмовым драконом рождены * ;
Корабль идёт ко дну, ах, что за счастье, Боже,
Что кто-то утонул не первым, чуть попозже:
Один взял явно верх и тем понёс урон,
Другой утратил всё, но славой одарён * .
Всесилен наш Господь, коль надо, Он поможет,
Чтоб труд нам облегчить, чтоб знали,

что Он может:

Так, видим, Он вошёл в одну из лучших жён,
Чтоб сгинул Олоферн, чтоб город был спасён * ,
Где духом пал народ, в отчаянье стеная,
Но смерть нашла врага во имя жизни края.

Мудрец задумал мир устроить на земле,
А Бог ведёт к войне, и снова всё во мгле;
Как людям избежать небесной кары строгой,
Утратив мир в душе, утратив в сердце Бога?

Картина новая маячит впереди:

В осаде Вавилон * , день-два – и штурма жди,
И небольшой отряд за краткий срок пред нами
Легко разбил того, кто предал Бога, зная,
Отчизну, короля и род старинный свой,
При этом проиграв и честь, и жизнь, и бой * .
Так доблесть христиан, как видите, предстала

Перстом Всевышнего и сделала немало,
Ведь злобные враги подумали тотчас:
«Неужто ангелы небес идут на нас?»

И вновь являются за строем строй военный*,
Сраженья на земле, на небе, во вселенной,
Мы в небе видим дух того, кто вождь вдвойне*,
Кто, власть и трон поправ, царил во всей стране.
Он глянул на Жарнак*, и вновь узнал воитель,
Из-за чего попал в небесную обитель:
Он пробивается сквозь плотный строй врага,
Но сломана опять проклятая нога,
На крыльях доблести взлетел он в Царство Божье,
А тот, кем он убит, убийцу встретит тоже.
Иным же видится: другой идёт отряд,

Вновь города в кольце, и вновь огни горят,
И этот штурм отбит, и снова бьются яро,
Вновь приступ и резня, грабёж и дым пожара.

Вот бой близ Сент-Ирьё*, где ты дождём,
Всеблагий,
Предстал, и грязью вмиг стал порох наш от влаги,
И королевский стан, рать христиан отбив,
Ещё раз испытал их силу и порыв.

Вновь озарён простор, и всё как на ладони:
Кровавый Монконтур* в трагичной обороне,

Там ставкой стала кровь, там дерзкие клинки
Трудились волею безжалостной руки,
Смертельных больше мук, чем разума, в атаке,
Гражданский чище пыл, чем грубый пыл вояки.

Свои усилья Бог и помощь свёл на нет,
Узрев, что больше нет у Церкви мук и бед,
Что люди в слабости своей дошли до края,
Живут, лишь на Его всесилье упоая.

Расскажем также мы о стычках небольших,
Расслабивших сердца властителей лихих,
Так станы разрослись, что поединки стали
Куда обычнее развёрнутых баталий.
От ратей маленьких в бою немалый прок,
Рать Гедеонову благословил сам Бог* ,
И доблесть скрытую её героев скромных
Он не поставил в ряд со славой войск огромных,
Хотел Он победить и дать спасенье Сам
Стенам разрушенным, измученным сердцам,
Отнять их у могил, чтоб славиться по праву,
Чтобы никто не мог Его умножить славу.
За то и проклял Бог израильских царей,
Считавших, что войска Господних сил верней.

Здесь мы пред образом Рене благочестивой* ,
Принцессы, чей отец, Людовик справедливый,
Отцом народа слыл и силой крепких рук

У лона своего хранил Господних слуг.
Но вскоре тьма червей из адского колодца
По лучшим из домов повсюду расползётся*,
Чтоб Карлу-королю в пустое сердце влезть,
Сложив к его ногам как дружбу, так и честь.
Он тётки праведной лишён благоволенья,
Потом получит он из ада повеленье:

Снеси пятьсот жилищ в проклятом Монтаржи,
Дворы опустоши и стены сокруши!
Вот старцы, женщины и дети, чья защита
Лишь в криках и мольбах, летящих в глубь зенита,
Вот смертный путь и та, что в тягости была
И, малым обходясь, в дороге родила,
Как счастлива она, а вот с печальным взглядом
Мать за руку ведёт дитя, другое рядом
За юбку держится, а третье на руках,
Четвёртое с отцом дорожный топчет прах.
Вот хворый тащится, а упадёт в походе,
Велят его везти какой-нибудь подводе.
Толпа, усталая от жизни и дорог,
Ползёт вдоль берегов Луары, следом лёг
Широкий пыльный шлейф, а в дальней туче пыли
Преследователей колонны проступили,
Под сенью трёх знамен подходит их отряд,
Уже в руках убийц сквозь пыль клинки горят.
Но слева всадников колонна небольшая*,
Лишили их надежд, лишь права не лишая
На Бога уповать: глаза возведены,

Ладони сложены, колени склонены,
И пастор их Бомон^{*}, как водится пред схваткой,
Напутствует бойцов такою речью краткой:
«Что ускользает? Жизнь? Что ищем?

Смертный час?

Страшимся пристани? Прельщает буря нас?
Как сердце нам велит, мы к небу руки тянем:
Я душу, Господи, Твоим вручаю дланям,
О Боже истинный, Ты искупитель мой!»
Колонна замерла в смущенье пред толпой,
Глядят воители на странную картину:
Один узнал сестру, другой узнал кузину.
Кто эти рыцари? Их сто. Они прошли,
Покинув Монконтур, французской полземли

И прибыли в свой край без опозданья, к счастью,
Чтоб уберечь овец, встав перед волчьей пастью.
Опять им выпало вдали от грозных сеч
Несчастных оградить и обнажить свой меч.
Противник оробел, хоть был числом поболе,
Увидев, что пред ним уже не овцы в поле,
Он был готов рассечь и шерстяной покров,
И кожу нежную клыками рвать готов,
Но повстречалась сталь, способная к отпору,
Которая остра и от которой впору
Бежать, залечь в дупло, не то разрубит враз,
Господни чудеса являя без прикрас.

Я вижу Наварен^{*} и слышу глас Беарна^{*},

Восславивший его спасенье благодарно.

Картина новая в небесной синеве:

Там десять тысяч жертв, там пушек двадцать две
Захвачено, там град и крепость ждут разора*
От тридцати рубак, чья так бесстыдна свора.
Там солнце озарит шестнадцать сотен шпаг,
Ведомых смелым львом в неистовство атак.

Здесь твой пейзаж, Люссон*, ты пересилил беды,
На улицах твоих веселье в честь победы;
А вот, ещё в кольце, твои пятьсот сошлись*,
Колени преклонив, воздели руки ввысь,
Пять тысяч одолел их меч в теснине узкой,
Два белых стяга взяв, пьемонтский и

французский*,

Я вижу, как в борьбе отнюдь не равных сил
Монбрен десятерых швейцарцев уложил*,
Из всей истории он принял к сердцу близко
Уроки Цезаря и славного Франциска.

Ещё покинул я над шумной Роной град,
Где отступил от стен разбитый супостат,

Весь цвет Италии тогда полёг в Сен-Жиле*,
Десяток тысяч душ в реке, других пронзили.

Кто плен египетский покинуть захотел,

Взять с бою Ханаан, обжить его предел,
В рядах Израиля тому брести пристало
По морю Красному, по морю крови алой* ,
И, препоясавшись, одолевать простор,
Безводные пески, крутые кряжи гор.
Пред нами облако плывёт весь день воочью,
И огненным столпом Господь ведёт нас ночью* .

Такими виршами мы славили пока
Победы Господа при помощи клинка;
А славу Бог обрёл в тех образах печали,
Где стрелы слали львы и молнии метали,
И козни строили, и множество затей
Для истребления покорных им людей.
Узрели вы: булат встречает сталь булата,
Пред вами схваченные тиграми ягнята.
Бог ратей доблестных на бой благословил
Тех, кто идёт воздать полкам недобрых сил.

В другом краю небес иных картин свеченье,
Жестоких много сцен на этой видим сцене,
Полотна вечные всем леденят сердца,
Чтоб вечно гнев не гас всесильного Творца.
Здесь нет боёв, здесь кровь сочится понемногу,
Но терпкий дух её, горча, восходит к Богу.

Там с краю видится толпа ещё одна* ,
В сердцах богобоязнь, и гибель не страшна,

Под носом Сатаны поют хваленья Небу,
Рискуя жизнь отдать, свою свершают требу,
Хотя приблизилась орава палачей,

А взгляды грозные и хладный блеск мечей
Врезаются в толпу, чья кротость только криком
Обороняется, ведь сталь в безумье диком
Пронзает грудь, сечёт то голову, то длань,
Тут щит один: молись, лей слёзы и горлань.
А вот и факелы уже пылают в храме,
Пожар и там и тут. Увы, слепое пламя
Не знает жалости к стенаниям людей,
От коих сонмы душ становятся бледней.
Нам видится река, забитая телами
Сражённых христиан, не воды – кровь пред нами.
Кровавый кардинал^{*}, трубач, весь чёрный клир
На площадях Васси из окон и квартир
Вопят, зовут убийц, чтоб не ушла добыча,
В любого беглеца истошно пальцем тыча.
И звонкой славою увенчанная знать,
Гроза Испании, стремится в бой опять,
Где можно без труда рубить в неравной сече
Тела и головы, и голени, и плечи;
Боясь, что вопли жертв, что жалобы и плач
Вдруг жалость вызовут, и задрожит палач,
Все рёв трубы глушит, так, словно нет трагедий,
Как Фаларидов бык, изваянный из меди^{*}.

Нам снова видится: вооружённый сброд

На агнцев Господа, безудержный, идёт;
Чтоб женщин и детей, чтоб старцев седоглавых
Колоть и рассекать; а меж убийц кровавых
Тот доблестным слывёт, кто руки обагрил
С улыбкой на устах, кто, убивая, мил,
Кто человечности закон попрал без гнева.
Взгляните: меч разит дитя грудное в чрево
И мать пронзил насквозь, а вот удар свинца
Отважно принял сын, загородив отца,
Пожертвовал собой, зато глумливой кликой
Осмеян без стыда сей знак любви великой.

Ты, озверевший Санс, у Сены взял урок * ,
Как тысячами тел закармливать поток,
Из трупов возводить подобие ковчега
И наводить мосты: валились в реку с берега
Тела, на них – тела; хитрюга-смерть чело
Крушила о чело, ей в голову пришло
Меж кровью и водой затеять спор престранный,
Чтоб кровь рвалась из ран, вода стремилась в раны.

Пред нами встал Ажан * , о смрад, о страшный сон,
Весь в трупах горожан, скорее потрясён
Картиной гибели, чумною, без отдушин,
Чем этим пагубным зловонием задушен.

Являет нам Кагор * бесчинствующий сброд,
Преображение ручьёв и прочих вод

В малиновый разлив, и с криком смерть седая
Преследует людей, последних добивая;
А следом Сатана, безумье он раздул,
Чтоб града честь пограть, чтоб всё подмял разгул,
Чтоб, не щадя клинка, рубили здесь на части
Тех, кто пытается смягчить своё несчастье.

На сей картине Тур* несчастный нам предстал,
Все ужасы затмил, и толпы, словно вал,
Свирепо катятся со злобой беспощадной,
Здесь содрогнулись бы и скифы с кровью хладной.
Здесь взгляд Всевышнего лучом прорезал даль,
Он реку озарил, а в ней сверкнула сталь.
А там, в предместьи, из храма, из притвора,
Голодных триста душ вытаскивает свора,
На волю волокут несчастных мясники,
Затем чтобы заковать на берегу реки;
Там воздух крики рвут, там воля супостату
Детишек продавать за небольшую плату

Иль, взяв из рук купца, отправить на тот свет,
Не зная их имён, проступков и примет.
Какая же вина на совести малюток?
Что сделали они? За что конец их жуток?
Им выпало вкусить мученья в час резни,
Хоть жизни выпали им считанные дни.
Дрожащих, плачущих к реке влекла их стая,
К последней пристани, на их глазах пронзая
Сосцы их матерей; кричали малыши

У ног своих убийц без сердца, без души;
Бежать бы от воды, от крови и от ада.
Малютки палачей молили: «Нет, не надо!»
В подобном возрасте уместно розгой сечь,
Должны их миловать речная глубь и меч.
Невыношенный плод из взрезанного лона
Ввергался в глубину, плыл по волнам затона
И дальше по реке, невидимый глазам;
Мать перед смертью длань тянула к небесам.
Иной из жалости пронзает сталью тело,
Из коего душа еще не отлетела,
Порою удалство покинет храбреца,
Узревшего черты прекрасного лица,
Такой душой не твёрд, меча поднять не в силах,
Другой подьмет сталь, и ад бушует в жилах,
Подобный глух к мольбам, сей сладострастный тать
Сдирает платье с жён, чтоб нагишом кромсать,
Он счастлив, осквернив живые краски тела:
Ах, как мертвеет лик и кожа побледнела.
Лихие молодцы, чей грех не утаю,
В утробе роются, распотрошив судью* ,
Чтоб денежки найти, так римляне когда-то
В кишках израильтян разыскивали злато.

Мы видим, как бурлит речная быстрина,
Столь светлая вода теперь совсем красна,

Как будто Орлеан с дворцом в огне пожара,
Неистовством сердец подожжена Луара.

Они крушат тюрьму и погранный закон,
Чтоб души кроткие повергнуть без препон,
Те души в камерах убежище искали,
Чтоб от предательства спастись в глухом подвале,
Пусть ложный, но закон найти в тюрьме, так встарь
Давал укрытие и жертвенный алтарь.
Пред вами матери со стен детей бросают,
Их ловят ближние, укрыв плащом, спасают,
Но бьет аркебузир малюток на лету
И тех, кто пробует сберечь хоть сироту,
Еще копейщики у стен стоят в пикете,
Так чтоб на жала пик напарывались дети.

Тех, кто из Сены пил, кто из Луары пил,
Я всех упомянул, Гаронну не забыл:
Полсотни разных мест пожары охватили,
И тысячи людей к ним взоры обратили.
И Рона в перечне, который нам даёт
Понятье, что за скот разнузданный народ.
Тут вскользь помянем мост несчастных

осуждённых:

На праздник развлекал правитель приближённых^{*},
Велел он узникам бросаться вниз с моста,
Тут что ни суд – прыжок, здесь трюков больше ста.
Два лика взгляда нашёл, мы видим эти лики,
Вкруг каждого толпа, наставившая пики,
Там перед нами Танд, Мувана видим тут^{*};
Обоих кара ждёт и этот скорый суд
В когтях мятежников, голодной злой ватаги.

Обоих бросят псам, хотя у нас дворняги,
Готовые раскрыть на требушину рот,
Подобны чужакам, их тоже гонит сброд,
Который сам не прочь добыть себе свежинки
И жарит требуху такую же на рынке,

Иной воротит нос себе же сам во вред,
Считаясь выродком, ведь он не людоед.

Не стёрлись в памяти штрихи деяний старых:
Пред нами Кабриер и Мерендоль в пожарах * ,
Желаньям следуя, уводит в горы взор,
В Пьемонт, в Ангронский дол * , где славен был

отпор.

Здесь на глазах во львов превращены ягнята,
Их львами сделал тот, кто в стаде был когда-то
Надёжным пастырем, сей славный адмирал * ,
Который повстречать не думал, не гадал
Кончину страшную, а перед этим встретил
Почёт, когда народ его хвалой приветил,
Из жизни он ушёл, чтоб вновь прийти потом.
И вновь Небесный холст мелькает за холстом,
И райским зрителям дано не понаслышке
Узреть Богемский край и войско Яна Жижки * .
Простятся зрители с мелькающей чредой
Картин и встретятся с трагедией такой,
Что прошлые затмит, пусть было их немало.

Из Рая проведал нам призрак адмирала:

«Взгляните, как порой карает Церковь Бог,
Он силою своей не ей, а нам помог,
Когда в смирении своём наш мир и вера
Доверились словам владыки-лицемера,
Который продал нас, который изменил,
Отверг наш правый гнев, лишил последних сил
Своё несчастное измученное стадо:
Под кожей лишь костяк от устали и глада.
Мы, дети Царствия, пред чернью всякий раз
Кичились разумом, но то, что ум для нас,
Для Бога жалкий бред; иной упрямец видит
Лишь то, что род людской клянёт и ненавидит,

А Божьи знаменья такому ни к чему,
И самомнение не истребить ему.
Безумный мир людей! О разум, полный бредней!
О Божий приговор, где назван Суд Последний!»

Хоть Церковь Божию от вепрей сберегли,
Потоптаны поля и жалок лик земли,
Чьи пышные дары до срока сгнуть готовы,
Чьи злаки полегли под конские подковы,
А смерч, гроза и град, гуляя по долам,
Солому и зерно смешали пополам.
Что может в бороздах спастись от злой стихии?
Всё ветром скошено, добро, что хоть какие
Прикрыты крепкими кустами семена

Здесь, где войны посев, где кормится война.
Под кровом этих кущ вырастают зёрна в землю,
Приемля мир в войне, а в смерти жизнь приемля,
Землёй хранимые, весной ростки взойдут,
Густой боярышник растит их там и тут,
Пусть скорый их конец торопит злая воля
Враждебной поросли, взойдут колосья в поле,
Пусть ветвь колючая мешает им расти,
Она отгонит скот, чтоб стебельки спасти.
Вот так же будем мы ограждены от злобы,
Чтоб Церковь нам спасти, чтоб из земной утробы
Взошли ростки скорбей, чтоб терниев ростки
Взошли по милости Божественной руки,
Надежды урожай: ведь это Божья нива,
Бог возродит её и час назначит жнива.

Вновь роспись светится, здесь каждый яркий

штрих

Влечёт к себе сердца, влечёт глаза святых,
Сиянья близятся, сливаясь воедино,
И на глазах растёт искусная картина:

Колонной траурной в злокозненный Париж
Вступает воинство^{*}; пред строем разглядишь
Двух принцев-христиан, последний луч надежды,
Увы, в знак траура на них черны одежды,
Играл большую роль в зловещем действе яд,
При помощи его покончил супостат
С Деборой нашею^{*}. Позднее описали

Всю пышность похорон, притворные печали,
Две свадьбы знатные *, роскошные пиры,
Где маски в ход пошли и хитрости игры.
Был верой адмирал, зовущей окариной,
Приманкой мир служил и милость властелина,
Так всякий раз идёт добыча на ловца,
Идёт на зов любви, приваду и живца,
Так зверь доверчивый, так рыба или птица
Находит сеть, крючок, на клейкий сук садится.

Настал зловещий день, неотвратимый срок,
Его два года ждал, нахмутив брови, рок,
Приходит чёрный день, теперь к чему привада?
Вернуться хочет он, ему стать ночью надо,
Он страшной новостью пребудет навсегда,
От крови красный весь и красный от стыда.
Пора взойти заре, когда-то это пламя
Горело багрецом и райскими цветами,
Но полог золотой карминной розой стал,
Сказали: «Будет дождь», сказали: «Будет шквал».
Смерть новую зарю украсила не даром
Каленьем угольев, зловещим адским жаром,
И, пряча скорбный лик в свой призрачный

покров,

Дождь превратила в кровь, а в стоны шум ветров.
Но поднят занавес дрожащий, и светило
Взор на невиданное действо устремило,
Подняв с прискорбием свой тусклый лик из вод,

Чтоб окунуть лучи, скользящие с высот,
В потоки наших слёз. Так солнце нам предстало,
Нет, не светильником, а углем вполнакала,
К тому ж ещё, чтоб скрыть от всех свой яркий луч,
Оно закуталось в завесу чёрных туч.

Не стал Нечистый ждать, когда блеснёт

денница,

Притихшим зрителям в оцепененье мнится,
Что полночь на дворе, когда все люди спят,
Заботы позабыв, а в это время ад
Раскрыл свое нутро, где шевелится алый
Огней бесовских жар и светятся кинжалы,
Столица видится, чьим духом был закон,
За то и чтимая повсюду испокон
Веков, ведь Франции дала и жизнь, и право,
Искусства родила, о мать владык и слава!
Теперь здесь властвует вооружённый сброд,
Он кодексы поправил и прав не признаёт.
Разнузданной толпы деяния бесчинны,
Полки работников, бездушные машины,
Бесчестие и смерть трём тысячам несут,
Здесь есть свидетели, есть палачи и суд,
И стороны ведут лишь по-французски пренья.
Старались короли и в прежние правленья,
Чтоб пред Испанией не трепетал купец *,
Чтоб море оградить и пашни, наконец,
За кои чужаки сражались неизменно.

Тогда король Франциск был вызволен из плена *

Своими присными, чей строй в бою был смел,
Чей лик перед врагом ни разу не бледнел,
А ныне тех, кто был опорой отчизне,
Отваги не лишив, лишили только жизни * ,
На ложах их тела без рук и без голов,
Стал гость заложником, тюрьмой хозяйский кров * ,

Схватив за гриву львов, оружием блистая,
Храбрится, но дрожит при этом зайцев стая,
Труслива дерзость их, а слабая рука
Прикончить связанных не в силах, столь робка,
По воле короля наперекор закону
Убийцы режут тех, в чьём сердце верность трону.

Плут коронованный, вершитель безобразий,
Сенаторов страны вовлѣк в пучину грязи;
Коль изгнанный богат, прибрать его доход,
Ведь недурная месть: сказать, мол, гугенот.
Судам томительным, увы, не видно края:
Тут к смерти матери причастна дочь родная,
Там брата брат извѣл, а некий лиходея
Предал двоюродного в руки палачей,
Здесь дружбы чахлые, да и знакомства кратки,
Здесь воля добрая – подвохи да оглядки.

Из Рая наш Катон простѣр свой взор * , потом
С улыбкой кроткою нам показал перстом,
Куда он был пронзѣн, как был остервенело

Изрублен: голову послали в Рим, а тело
Ничтожной шушере досталось на позор,
О чём потом шумел охочий к сплетням двор.
Судебный колокол, гудевший в час разбора* ,
Зовёт грабителей, зовёт на дело вора,
Теперь в Дворце суда закон не ко двору,
Штандарт малиновый трепещет на ветру* .
Нет, это не война. Там грудь бронёй прикрыта,
Там сталь поверх одежд – надёжная защита,
Здесь отбиваются лишь криком да рукой,
Один вооружён, но обнажён другой.
Попробуй рассуди, кто славы здесь достойней,
Тот, кто разит клинком, иль жертва этой бойни.
Здесь праведник дрожит, здесь горлопанит сброд,
Невинного казнят, преступнику почёт.

К позору этому причастны даже дети,
Здесь нет невинных рук, здесь все за кровь

в ответе* .

В темницах, во дворцах, в особняках вельмож,
Везде идёт резня, гуляет меч и нож,
И принцам не уйти, не спрятаться в алькове,
Их ложа, их тела, их слава в брызгах крови.
Святыни попораны, увы, сам государь
На веру посягнул и осквернил алтарь.
Принцессы в трепете, едва успев проснуться,
От ложа прочь бегут, им страшно прикоснуться
К изрубленным телам, но не скорбят о тех,

Кого не спас приют любви, приют утех.

Твой, Либитина^{*}, трон окрашен постоянно
В цвет бурой ржавчины, как челюсти капкана,
Здесь западня – альков, здесь ложе – одр в крови,
Здесь принимает смерть светильник у любви.
Прискорбный этот день явил нам столько бедствий,
Хитросплетения раскрыл причин и следствий
И приговор небес. Смотрите: стрежень вод
Лавину мертвецов и раненых несёт,
Плывут они, плывут вдоль набережных Сены,
Где ядом роскоши торгует век растленный,
И нет в реке воды, лишь спекшаяся кровь,
Тлетворную волну таранят вновь и вновь
Удары мёртвых тел: вода людей уносит,
Но сталь других разит, их следом в реку бросят.
Ожесточённый спор с водой ведёт металл
О том, кто больше душ в тартарары послал.
Мост, по которому зерно переправляли^{*},
Сегодня плахой стал в гражданском этом шквале,
И под пролётами кровавого моста
Зияют гибели зловещие врата.
Вот мрачная юдоль, где кровь струится в реки,
Юдоль Страдания, так зваться ей вовеки.

Четыре палача, бесчинствовавших тут^{*},
Бесчестие моста на совести несут,
Четыре сотни жертв швырнул он водам Сены.
Париж! Ей хочется твои разрушить стены;

И восемь сотен душ погубит ночь одна,
Невинных погребя и тех, на ком вина* .

Но кто же впереди отары обречённой?
Кто первой жертвой стал толпы ожесточённой?
Ты оживешь в молве, хотя твой лик в тени,
Благочестивою была ты, Иверни* ,
Гостеприимица, защитница для многих
Печальных узников, для путников убогих.
Был на тебе убор монашеский надет,
Но выдал в час резни пурпурных туюфель цвет:
Господь не пожелал, чтоб лучшая из стада
Рядилась под святош, меняла цвет наряда.
Спасая избранных, даруя благодать,
Не хочет мерзостям Всевышний потакать.

Но чья там голова? Чье тело неживое?
Обмотана коса вокруг скобы в устое
Злосчастного моста. И странной красотой
Застывший бледный труп мерцает под водой.
Он, падая, повис в объятиях теченья,
Он к небу взор возвёл, как бы прося отмщенья.
Паденье длилось миг, но, вверившись судьбе,
Покойница два дня висела на скобе,
Она ждала к себе возлюбленное тело,
К супружеской груди она прильнуть хотела,
И мужа волокут. Расправа коротка,
В грудь безоружного вонзили три клинка,
И вот он сброшен вниз, где мёртвая супруга,

Качаясь на волнах, ждала на помощь друга,
Убитый угодил в объятия к жене,

Схватил сокровище – и тонут в глубине * .
Но триста мертвецов на том же самом месте,
К несчастью, лишены такой высокой чести.
Убийца, ты вовек не разлучишь тела,
Коль души навсегда сама судьба свела.
Передо мной Рамо * , подвешенный под кроной,
Седоголовый Шапп * , весь кровью обогранный,
А вот возник Брион * , столь немощный старик,
И малолетний принц к его груди приник,
Он старца заслони́л с недетскою отвагой,
Но этот слабый щит насквозь пробили шпагой,
Корабль у пристани отправили на дно,
Хоть право убивать лишь времени дано.

Покуда в городе на славу шла работа,
И Лувр кровавый стал подобьем эшафота,
Из окон и бойниц, с балконов и террас
На быстрый бег воды взирают сотни глаз,
Коль кровь назвать водой. Полунагие дамы,
Припав к любовникам, следят развязку драмы:
Их возбуждает кровь и трупов голых вид,
И каждая ввернуть скабрёзность норовит,
Им женских жаль волос – мол, пропадут задаром!
А ведь дымится кровь и души стали паром.
Глядят бездельницы, как здесь, невдалеке,

Кромсают жён и дев и топят их в реке,
Как обесчещенным пронзают грудь стилетом,
Чтоб сами падали и верили при этом,
Что нелегко на кровь глядеть глазам Творца,
Что в миг отчаянья вселяет Он в сердца
Своей надежды свет. Сарданапал наш мерзкий*,
Столь переменчивый – то робкий он, то дерзкий,—
Охрипшим голосом подбадривает сброд,
Хоть слабосилен сам, других зовёт вперёд.
Сей доблестный храбрец, страшась всего на свете,
Среди придворных шлюх сидит в своем Совете.

Никчёмный он король, зато какой стрелок!
Из аркебузы он бегущих валит с ног,
Все промахи клянёт, а меткостью кичится,
В компании честной желая отличиться.
Комедию дают в трагический сезон,
Что ни лицо – Гнатон, Таис или Тразон*,
И королева-мать со всей своей оравой
Отправилась глядеть плоды резни кровавой.
Одна из дам верхом спешит в тот самый миг
Двух спасшихся предать и выдать их тайник*.
Здесь, в сердце Франции, где кровь повсюду вижу,
Затеял шумный двор прогулку по Парижу.

Нерон в былые дни нередко тешил Рим
Ареной цирковой, театром площадным,
Совсем как в Тюильри иль, скажем, в Бар-ле-Дюке,

В Байоне иль в Блуа^{*}, где затевают штуки
Такие, как балет, турнир иль маскарад,
Ристанья, карусель, борьба или парад.
Нерон, сжигая Рим, насытил нрав свой дикий,
Как наслаждался он, повсюду слыша крики
Отчаявшихся толп, дрожащих пред огнём,
Несчастье других лишь смех рождало в нём,
Всё время раздувал он пламя для острастки,
Чтобы на пепле жертв владычить без опаски.
Когда огонь вполне насытился бедой,
Властитель ублажил народ несчастный свой,
Найдя виновников: он их припас заранее.
И вот извлечены из тюрем христиане,
Они чужим богам стать жертвою должны,
Быть искупителями не своей вины^{*}.
В часы вечерние на пышном карнавале
Зевакам напоказ несчастных выставляли
И на глазах толпы, в угоду божествам,
Швыряли их в огонь и в пасть голодным львам.

Так и во Франции пожаром сотен хижин
Был вознесён тиран, а нищий люд унижен.
В горящих хижинах отчаянье царит,
Но деспот восхищён: «Как хорошо горит!»
Народ не видит зла, мошенникам доверяясь,
Их кормит, а винит в своих несчастьях ересь.
И ты, христианин, за глад и мор ответь,
Ты землю превратил в железо, небо – в медь.
Кровавой жертвой стать придётся христианам,

Чтоб испукать грехи, свершённые тираном,
Тут власть имущие нахмурили чело,
Докучны стоны им, ведь столько полегло.
Так встарь Домициан^{*}, пристрастный к легионам,
Несмелых приучал к слезам и тяжким стонам,
Чтоб жалость в них убить, чтоб видели они
Лишь очи кесаря, их грозные огни.

Так и король наш Карл огнём очей надменных
Старался заглушить укору принцев пленных^{*},
Надежду в них убить: пускай они узрят,
Что чужд раскаянию тот, чей грозен взгляд.
1005 Пред взором пленников король, лихой сначала,
Утратил гордый вид, надменности не стало,
Когда семь дней спустя, сорвавшись с ложа вдруг,
Он криком разбудил своих дворцовых слуг:
Полночный ветер выл, в нём стон стоял, и крики
1010 Незаглушимые терзали слух владыке,
Потом ещё три дня, как в роковые дни,
Не стихнут голоса коварные резни,
Усилить он велел ненужную охрану:
Вновь отголоски те мерещатся тирану,
1015 Двенадцать злых ночей дрожит он напролёт,
И все вокруг дрожат, он спать им не даёт,
И среди бела дня он мечется нередко:
Над Лувром вороньё, и вся черна беседка^{*}.

Вновь королева-мать творит свои дела,

1020 Супруга нежная от страха обмерла * ,
Нечистой совестью всю ночь король терзаем,
До смерти будет он гоним истошным лаем,
А днем шипеньем змей; душа его дрожит
И от самой себя в беспамятстве бежит.

Ты принц, мой пленный принц * , свидетель
этой были,

Твои рассказы нам немало бы открыли.
Собрав засталие, теперь узреть бы тут,
Как волосы твои от ужаса встают,
И если эти дни ты позабыл так скоро,
1030 Не забывает Бог ни славы, ни позора * .

В ту пору человек не человеком был,
Скорее, это знак разгульных тёмных сил,
Ведь он в глазах отца, скорбящего о сыне,
Не смел существовать, немела мать в кручине,

1035 Когда на смерть влекли её родную плоть.
О эта боль без слов, не приведи, Господь!
Порой преследует умелый соглядатай
Того, кто без примет и с виду простоватый,
Подслушивает шпик повсюду неспроста:

1040 Вдруг тайну выдадут какие-то уста.
Иной в большом стогу не спрятался от смерти,
И это видела одна луна, поверьте,
Иного рассекут на части, а потом
Родная мать его не распознает днём,

1045 Напрасно дочери и нежные супруги
Отцов или мужей идут искать в округе,
Найдут похожего, целуют в простоте:
«Пускай ты мне не муж, ты брат мой во Христе».

Какой же это грех, коль труп не взяли воды,
Предать его земле по правилам природы!

Так требует наш долг, достоинство, права,
Зов дружбы и любви, зов крови и родства
И чувство жалости, – едва уходят страхи,
Бессмертная душа воспрянет и на плахе.

При столь блистательном владыке христиан,

Которым помыкать легко бы мог Аман * ,
Все наши города безумье охватило,
Повсюду льётся кровь, повсюду правит сила.

Пред нами Мо * , а в нём такая же напасть,
1060 Смертоубийствами упился город всласть,
Шестьсот на дне реки, меж ними в этой драме
Погибло двадцать жён, поруганных скотами.

Луары странный блеск опять пред нами лёг,
Подножье города омыл её поток,
1065 Шестнадцать тысяч душ убито в Орлеане,
Хоромы во дворце, совсем как поле брани,

Кровавым грудам тел в реке плотиной стать,
Невиданная мель теченье гонит вспять,
Те города страны, те человечьи руки,
1070 Что не прошли войны и всей её науки,
Луару замутив, разводят в ней кармин
И в небесах видны среди других картин.

Но львы твои, Лион^{*},

безвинны в чёрном деле:

Ни городской палач, ни воин цитадели,
1075 Ни чужеземная отчаянная рать
Не захотят в тюрьме убийством рук марать,
Коль руки честные не окровавят плоти,
Тая презрение к столь мерзостной работе,
Отребье, требуха тотчас поможет в том,
1080 Начнёт тебя терзать, мешая кровь с дерьмом.

Балансом и Вивье, Турноном, также Вьенной^{*}
Был осужден Лион, жестокий и надменный,
Запятнан тысячью непогребённых тел;

А вот, к примеру, Арль колодцев не имел^{*}
1085 И десять дней страдал от жажды над кровавой
Тлетворною рекой, над мёртвой переправой.
Здесь третий Ангел встал, он чашу в должный срок
Над Роной выплеснул, и алым стал поток.
И молвил Ангел вод: «О Боже, Боже правый,
1090 Иже еси вовек и впредь в сиянье славы,

Поскольку тем, кто смел Твоих святых убить,
За пролитую кровь ты крови дал испить»* .

Но Сена всё затмит: её два крайних града
Невинны, говорят, их проклинать не надо:
1095 Один из них Труа, другой из них Руан,
Там в тюрьмах узникам был свет надежды дан,
Но оба в свой черёд в наш список угодили,
Поскольку восемьсот несчастных загубили* .

Тулуса впопыхах парламент созвала* ,
1100 Затем чтоб воспретить кровавые дела,
Верней, чтоб снять позор с владычицы бесчинных.
Но сколько городов, до сей поры невинных,
Смягчавших красотой и разумом сердца,
Хранили доброту свою не до конца
1105 И всё-таки сдались под натиском разбоя,
От коего трясёт сообщество любое.
Ты это испытал, Анже, отец наук,
И ты, о Пуатье, изящных вкусов друг,
И ты, добряк Бордо, простился с доброй славой,
1110 На путь недобрый став.

И Дакс – в игре кровавой.

А вот соседи их, отважней не в пример,
Но отвергают зло, живут на свой манер.

Ты войском славишься, не казнями, Байона,
Твоя дарованная вольностью корона,

1115 Корона дружества, в лихие времена
Горит, алмазными гвоздями скреплена.

Куда, глаза мои, ещё идти за вами,
Чтоб тридцать тысяч жертв изобразить словами?
Какие взять слова для перечня примет

1120 Бесчисленных ручьёв, текущих в море бед?
О взгляд читающий, о чуткий слух, замрите,
Вам чудо явит Бог среди иных событий,
Он мёртвых выведет из подземельной тьмы.
Как нас меняет смерть! Но вот узрели мы

1125 На фреске город Бурж, людей; и тот, кто зорок,
Их лица разглядит и сосчитает: сорок.
А там их вновь сочтут, чтоб точен был итог,
Дабы никто из них уже спастись не мог.
Чуть свет их всех подряд убьют рукою ката,

1130 Расставив по пяти пред зданьем магистрата,
Преданье давнее свидетельствует нам,
Что смерть ни одного не пощадила там.
Был суд на третий день, когда в судебной зале
Вдруг глас слышался, исполненный печали,

1135 Глухой, надтреснутый; все те, кто много раз
Готовы вопрошать, откуда этот глас,
Узнают наконец: один старик согбенный,
Способный вынести заботы жизни брэнной,
Сам в нужник бросился, в погибельный провал,

1140 Из ямы выгребной в последний раз воззвал,
Сражённый голодом, убийцей всех жесточе.

Сии судилища, дрожа, глядели в очи
Столетью грозному, в зеркало наших бед,
Давали веку хлеб, чтоб он явил в ответ,
1145 Как ставит жизнь Господь над пропастью, у края,
Где кости грудую свалила смерть седая,

Чтоб потрясённый век бессилье сбросил вновь,
Дабы убийц разить за пролитую кровь.

Комон, в двенадцать лет пришла к тебе утрата* ,
1150 Но жизнь твою спасли тела отца и брата.
Кто руку дал тебе, кто был спаситель твой?
Твои отец и брат вовеки над тобой.
Из праха одного слепила вас природа,
А смерть сроднила вас ещё сильнее рода:
1155 Живой ли, мёртвый ли, ты на смерть с ними слит,
А жизнь твоя сама усопшим век продлит.
Родною кровью ты окрашен был на ложе,
Господней милостью спасён, судимый позже:
Бог разум отроку ссудил и этим спас,
1160 Но, став слугой врагу, ты отступил от нас* .

Простёртый на земле, ещё нам некто явлен,
Пронзённый тридцать раз, лежит он окровавлен,
Он был один, когда столпился сброд вокруг
И стал его колоть, не покладая рук,
1165 Один к лежащему немедля возвратится,
Чтоб ткнуть ножом туда, где должно сердцу биться,

И святотатственно, сам чёрт ему не брат,
Исторгнет злобный зев такую речь трикрат:

«Что, спас тебя твой Бог от смерти и позора?»*

1170 Ты, нечестивец, лжёшь и сам дождёшься скоро
Убийцу своего: наш справедливый Бог
Дыханьем уст Своих дарует душам вдох,
А вещей Божий глас могуществом нетленным
Несёт убийцам смерть и вечность убиенным.

Мерлен, как встарь пророк, бежавший от царя*,

Три дня в укрытье мог сидеть, благодаря
Тому что беглеца наседка посетила
И всякий раз ему в ладонь яйцо сносила.

Гонимые, пускай вас голод не страшит,
1180 По воле Господа голодный будет сыт,
Кормильцев шлёт Господь нам поздно или рано:
Мерлену – курицу, Илье-пророку – врана.

Однажды для Ренье Везен, смертельный враг,
Стал избавителем, как вран, податель благ,
1185 Он двести лье прошёл, служа Ренье охраной,
Который смерти ждал, но жизнь его сохранный
Была, хоть конвоир молчал весь путь почти,
Лишь странные слова изрёк в конце пути:
«Пусть будет доброта моя тебе укором,
1190 Коль ты не отомстишь парижским людоморам»* .

Я, созывающий бежавших от резни,
Моливший Господа: «Спаси их, сохрани!» —
Воспевший горе их, тревоги, жизнь в раздорах,
Могу ли умолчать о тех, кто сердцу дорог?

В тот злополучный час, когда враги в бою

Клинками многими проткнули плоть мою,
Целитель ран моих, мой ангел, мой хранитель*
Меня, столь грязного, впустил в свою обитель,
И семь часов подряд взирал на рай мой глаз,
1200 На таинства небес, о чём пишу сейчас,
И пусть всё это сон и морок на рассвете,
Пусть примерещились в бреду виденья эти*,
Не спрашивай меня, читатель, ни о чём,
Воздай Творцу хвалу, тебе же польза в том.
1205 Жар вдохновения тем часом раздувая,
В беспамятство впадал я в дивных куцах рая.
Повёрнутый на юг, следил за солнцем взгляд,
От полдня жаркого клонился на закат,
С востока к западу тянулась вереница
1210 Живых картин того, что впереди таится.

Ещё сто образов вдали увидел я,
Явились лучшие столетья сыновья;
Подчас и палачи не захотят трагедий,
В них станут катами родня или соседи.

- 1215 Мой дух измученный невольно разглядел
Толпу едва живых, совсем раздетых тел,
Она два дня ждала убийц, поскольку рада
Была избавиться от жизни и от глады;
Ватага мясников придёт на помощь ей,
- 1220 В крови запекшейся их руки до локтей,
Мясничьи тесаки кромсать привычны тело,
Четыреста голов разделают умело.
Наполнен воплями любой поганский храм* ,
Лишённых разума и веры вижу там,
- 1225 Склонясь пред силою, угрозой, словом бранным,
Они сюда идут молиться истуканам,
На ложный путь встают, поскольку в их сердцах
Жив страх перед людьми, исчез Господень страх.
Сии несчастные отвергли ради пищи
- 1230 Блаженство вечное, небесное жилище,
Не все отступники смогли себя сберечь,
В геенне души их, тела прикончил меч.
Поскольку не хотел Господь такого срама,
Он их часы продлил лишь до порога храма.
- 1235 Но жалости не чужд Творец, не слеп, не глух,
Хоть к слабости людской Святой не склонен Дух,
Он часто милосерд. Так приговоры Бога
Земному бытию кладут пределы строго.

С востока в небесах все образы затмил

- 1240 Всеослепляющий чудесный блеск светил,
Там звёзд несчитанных рои плывут в просторы,

Когда пары земли не застилают взоры,
Там знаки ясные пока неясных строк,
Чей смысл откроют нам события в должный срок.

1245 Мне ангел преподал урок: «Ты на пороге
Небесных высших тайн. У Господа в чертоге
Всем небожителям дозволено прочесть
Скрижаль грядущего, куда имели честь
Взойти звучания Давидовой псалтири,

1250 Взойти сии слова: *В высоком горнем мире,
Который создал Ты в начале всех времен,
Свет слова Твоего навечно утвержден* *.

Вот книга тайных дел, и семь на ней печатей,
Пока рои планет плывут на небоскате.

1255 Пророк, смиривший львов, премудрый Даниил
Господни истины в писанье нам явил.
Людскому разуму здесь не найти ответа,
Лишь сонму ангелов открыта книга эта
И Божьим избранным достанется в удел

1260 В час Воскресения их душ, а также тел.
Тем часом лики их в сиянии небесном
Предстанут отпрыскам, и кротким, и злобесным».
Спросил я ангела: «Но могут ли узнать
Воскресшие родню, придя на землю вспять,

1265 Узнать по именам, в лицо узнать собрата,
Который обречён на гибель без возврата?»
Мне ангел отвечал: «Приемлет вечность их,

Лишая чувств родства и прочих уз земных,
Но если совершенств достигнут в полной мере,
1270 К ним чувство высшее придет на смену вере.

Когда ты счастливо придёшь на землю вновь,
Бог, просветив твой дух, вернёт ему любовь.
Ты видишь долгий ряд мужей, могучих нравом,
Собратьев доблестных, успешных в деле правом?

Вот океанский берег и град, где крик и вой,

Вот злополучный стан за крепостной стеной,
Как Иудифи град, пребудет незабвенным* ,
Ягням кротким щит, возмездие надменным,

Здесь пресеклись их дни, надежды их и пыл,
1280 Здесь двадцать тысяч душ Господень меч сразил.
Не захотел Господь, чтоб с бою овладели
Враги задымленной твердыней Ла Рошели,
И он привёл в Париж сарматов без бород* ,
Чтоб праведным помочь, чтоб образумить сброд.

1285 Сколь дивен океан, где волны в пене белой,
Как перси млечные кормилицы дебелой,
Всё побережье от раковин бело,
Как будто манной всё небесной замело.
Скажите, знатоки заветных тайн натуры,

1290 Как вышло, что морской простор, доселе хмурый,
Такой всегда скупой, принёс насущный хлеб

В иных провинциях они стоят над властью

- 1315 Отродий суеты и вдохновляют рать,
 Чтоб силой бранною мучителей карать.
 Вот скоп правителей и тех, на ком порфира,
 Которым кровь мила, война любезней мира,
 Вот Генрих Валуа: вкусив святых даров,
 1320 Он тут же христиан прикончить был готов*,
 Ни жизнью не щадить, ни человеческой крови,
 Посулы, козни, ложь имея наготове.

Франциск, Анжуйский принц,

тот стал сперва вождём

- Плачевной армии, предателем – потом,
 1325 В полуночном краю он сеял зёрна розни,
 Разбитый агнцами, стал снова строить козни,
 Своих приспешников тайком собрал опять,
 Внушавших принцу мысль Антверпен с бою взять*:
 Бог ложной делает угрозу и обиду.
 1330 Коварны короли, хоть доброхотны с виду,
 Но им доводится самим попасть впросак:
 За вероломство Бог наказывает так.
 На собственный подвох всегда легко пойматься,
 И ветер вдаль несёт проклятья светотатца.

Сошлись три воинства

владык полдневных стран*,

Католиков в полон взял сарацинский стан.

Готов был в Лувре яд, и вскоре заманила
Самсона в западню парижская Далила*.

Король дон Себастьян народ свой разорит*,
1340 А всё наследие его возьмёт Мадрид,

Испанец, как зерно, посеет это злато,
Дабы во Франции поднялся брат на брата,
Но вновь поднимет меч вся Нижняя Земля*,
Чтоб сбросить гнёт и власть Филиппа-короля,
1345 Который подчинить весь мир задумал силе,
Но будет вшей кормить, потом червей в могиле.

Два стана видишь ты: один склонён с мольбой,
Другой кощунствует, идя на смертный бой.
Вот поле близ Кутра*. Как скоро здесь полягут
1350 Пять тысяч воинов, уйдя из мира тягот.

Вот взявший меч Париж, где верховодит Гиз;
Изгнали короля, но венценосный лис*
Обманом герцога в свою нору заманит.
Тот, кто топил других, и сам в глубины канет,
1355 Кто подсылал убийц, нарвётся на клинок*,
И поджигатели должны сгореть в свой срок,
Луара в тысячах смертей уже повинна,
И этот чёрный прах пожрёт её пучина.
Так и король-мясник, сбежав от мясников,

1360 У бывших жертв своих найдёт надёжный кров * ,
Но верный прокурор, не замышлявший злое,
Убийцу приведёт к властителю в покои,
Туда, где в тот же день семнадцать лет назад
Преступную семью Господь обрёл на ад * ;

1365 Так Генрих Третий стал добычей мерзкой твари,
Оставив трон и власть гонимому Наварре.

Не позабыть побед близ Арка, близ Иври * ,
Тех, что тебе помог, запомни, принц Анри,
Заманчив твой удел, но в нём сокрыт незримо
1370 Господень промысел, дорога в Церковь Рима * .

Париж, ты жрёшь людей, о ненасытный град!
Здесь триста тысяч душ обречены на глад
На десять лиг окрест, где в мирный час сурово
Ты сирым запрещал не хлеб, а Божье слово * .

Всё то, что я постиг, ты, человек, поймёшь,

Немало видел я монархов и вельмож,
Тех, что различными отравами убиты,
И часто мышьяком, как травят иезуиты.
Для них важней всего, чтоб в сеть попали вы,
1380 О земли Швеции, Полонии, Москвы! *

Что я ещё скажу? Вот звёзды, всех туманней,
Они тебе сулят немало испытаний,

Так долог будет труд и тягостный ночлег,
Усталость посетит берега французских рек.

- 1385 Что ждёт тебя, дитя? Вдали перед тобою
Встаёт какой-то дым, окутавший Савойю * ,
Ждёт под Женевою в походе хворь и бред * ,
Потом Венеция * , где хмурый ждёт рассвет.
Всё в Божеской руке: и светлый день, и хмарный,
1390 И тридцать лет спустя король неблагодарный * ,
И власть его вдовы, позора торжество!
Был светоч – и угас, и рядом никого.

- Свершает небо круг, и ты увидишь въяве
Бастарда королем в соседственной державе * ,
1395 Рождённый в камере, он там же смерть вкусит,
Любезный Альбион давно от смут не спит * .
Картина новая: Ирландией неверной
Заброшен в Англию отряд, ведомый скверной * ,
Чума духовная явилась в сей предел,
1400 Ужасна, как чума, смертельная для тел.
Края заморские на западе восстали * ,
От мира и войны французы слабы стали.

- Злой дух Аполлион * , Периклом мнивший стать,
На города свои большую двинет рать,
1405 Сей кесарь Фердинанд руины солнцу явит,
Пускай же трупами на пепелищах правит.

Батавы в западне, разбит в бою султан* ,
В осаде доблестен, как встарь, немецкий стан*
А вот Италия, та нечиста без меры* ,
1410 Ей не противен дым от головней и серы.
В Европе запросто владыки снарядят
На суше тридцать войск, а в море семь армад* .
Взгляни, прощён Творцом народ Иерусалима,
Антихрист посрамлён, а Церковь невредима* .
1415 Великий Судия спешит на трон свой сесть,
Чтоб век пришёл к числу, где три шестёрки есть* .

Вернись же в плоть свою, не уповай некстати,
Что Церковь отдых даст и пору благодати.
Вернуться надобно, ещё ты должен жить,
1420 Чтоб гневу Божьему десницей послужить,
Тебя я честно вёл в заоблачном скитанье,
Все честно опиши: пусть прочее писанье
Прекрасней кажется, оно не заслонит
Таящий столько тайн сияющий зенит.
1425 Славь Бога! Лишь его обязан ты заботе,
Не забывай, кто дал твоей пронзённой плоти
Убежище в Тальси, где на столе она
Лежит, в могильный холст уже наряжена.
Верни же духу плоть, чтоб их любовь венчала,
1430 Мужское сочетав и женское начало»* .

Ты жизнь мне, Боже, дал, чтоб я тебе служил,

Ты воскресил того, кто голову сложил,
Ты длань ко мне простёр; Тебе, Господь, на лоно
Я душу положу, прими же благосклонно.

1435 Ты звонкий глас мне дал, Тебя я воспою,
Воздам хвалу Тебе, восславлю мощь Твою
В притворе храмовом, чтоб слух о Божьей каре,
О дивах явленных дошёл до государей,
Царящих на земле, чтоб самый тёмный люд

1440 Через меня узнал, как Ты бываешь крут.
Но самый главный труд – поведать о грядущей
Поре, где Страшный Суд Ты правишь, Всемогущий,
И должно возводить без лишней болтовни
Чертог видения, венчающего дни,

1445 И чтоб не следовал притом досужий разум
Восторгу глупому, пристрастью к праздным фразам.

Вздремнувший океан Бретани грудь сосёт,
Припав к её соску, набрякшему от вод
Французских многих рек: видна Луары вена,

1450 Шаранта и Вилен, извилистая Сена.
Спит океан седой, растрёпанный во сне,
Порой ворочаясь, а в тихой глубине
Кораллы светятся, жемчужниц ясны знаки
И амбра серая мерцает в полумраке.

1455 Зефиры лёгкие ласкают старика,
И стелет влажная бессонная рука
Матрац из трав морских и пеной кроет ложе.

Порой видение всплывает, сон тревожа,
И волны млечные над глубию голубой

1460 Гнёзд зимородковых уносят частый рой.
Меж холмами воды и сушею волнистой
Случается война, и стонет брег скалистый,
И хочет океан тогда, чтоб ветер стих,
Чтоб не тревожил он пучин и дюн морских,

1465 Не возмущал покой владений океана,
Не затевал мятеж, бесчинно, безвозбранно.
И старец говорит: «Ох, этот вертопрах,

Неужто некому держать его в руках,
Чтоб не зорил моё исконное именье?

1470 Волна рождает ветер, а тот родит волнение,
А может статься, он смирил бы ярый пыл,
Не будь веления каких-то высших сил:
Я возгоняю пар над хлябью штормовую,
И воздух, и вода в согласии с собою».

1475 Обманы сон таит, сравнимые вполне
Со звуком за окном, с засадой на войне,
Тут разум впереди идёт, а чувства позже
Подскажут истину; седой сновидец тоже
Обманут был, решив, что рёв волны морской,

1480 Которая ведёт с гремящей сушей бой,
Способен возбудить воздушные порывы.
Проснулся океан, загривок чешет сивый:
Сперва трезубец всплыл, потом над гневным лбом
Седые вздыбленные кудри, а потом

- 1485 Хвосты и головы вздымают два дельфина,
Над блеском водяным возносят властелина * .
Он чувствует: кудрей солёных белизна
Пятнает кровью длань, он видит, что красна
Его нагая грудь. И вот, насупив брови,
1490 Рокочет он: «Во мне откуда жажда крови,
Когда не ведал я желаний никаких?
Кто падаль разбросал на берегах моих?
Отродья чёрных недр – не облачные воды —
Заразу принесли. Пучин моих приплоды,
1495 Барашки белые, бодайте вновь и вновь
Стремнины встречные, смывающие кровь».

- Так бездна водная преображает в кручи
Зеленоватые разлив реки могучий,
Которая исток из бездны зла берёт.
1500 Белоголовый вождь необозримых вод
Увидел ангелов в разверстой горней дали,

Которые из чаш в пучину изливали
Расплавленный рубин * ; воздав сии дары,
Запели в синеве парящие хоры.
1505 Се ангелы небес, се вестники Господни,
Они собрали кровь потоков преисподней
В большие амфоры свои, чтоб до конца
Хранить их в храминах небесного дворца.
Чтоб не глядеть на грех, взошедшее светило

1510 Завесой облачной весёлый лик прикрыло
И тихо сквозь покров струит свой алый луч,
Как будто хочет кровь вернуть дождём из туч.
При виде ангелов и солнца золотого
Прозревший океан такое молвил слово:

1515 «О дети Божии, вы – Царствия сыны,
Вам отданы поля заоблачной страны
В надел кладбищенский. Толкая вас на землю,
Не гневаюсь на вас, не вас я не приемлю».
К Луаре хлынул он и сразу разглядел

1520 На розовых песках наносы мёртвых тел,
Он собирает их, несёт в разлив лазури
Добычу знатную, противную натуре.
Сложив сие добро, глаза возводит он,
Светлеет лик его, и слышит небосклон:

«Как повелел Господь, я спрячу всех, покуда

Для счастья вечного не выйдут из-под спуда.
Безгрешны мёртвые, прекрасны чистотой,
Украсят их тела чертог подводный мой;
Земля их предала, она жилище смрада,

1530 И праведникам в ней покоиться не надо».

Всех поглотила глубь, морщинят волны гладь
И, выплюнув песок, стократ уходят вспять.

Как наших зверств плоды посереде вселенной

Земля могла укрыть! Как смрад страны растленной
1535 Иноплеменников не отвратил от нас!
Без страха среди них бывали мы не раз,
Глядели весело, уверенные в силе,
Чсть старой Франции с достоинством носили.

Теперь французами гнушаются они.
1540 Не надо всех равнять. Господь вас сохрани!
Не ставьте преданных с предателями рядом,
Убийц с убитыми и не ласкайте взглядом
Равно как верного, так бешеного пса,
Безбожников и тех, кто верит в небеса.

1545 Одни льют кровь свою, другим милей чужая,
Иной живёт без мук, чужие умножая,
Один мечом разит, другой сражён мечом,
Поносите волков, но овцы-то при чём?
Придите, мстители и вся земля без края,

1550 Французских каинов мечом за кровь карая.
Пусть вновь их вопросят, где братья их теперь,
Пусть бледное лицо являет миру зверь,
Пусть озирается и места не находит,
Пусть тень дрожащая его повсюду бродит.

Иные думают: Господь не так уж строг,
Лишь слабых молнией разит его клинок.
Дышите, смертные, ещё дождётесь мига,
Когда придёт к концу сей мир и эта книга.
Господь подвёл черту: мечи простор секут,

1560 Вас ждёт возмездие, а после – Страшный Суд.

Узрите гневное недремлющее око,

Узрите, как Творец возносит длань высоко:

Одних накажет хлыст, других сразит булат,

Одних ждут небеса, других – кромешный ад.

**Франсуа де Малерб
1555–1628**

**Молитва за короля,
отбывающего в Лимузен*
Стансы**

О Боже праведный, ты, внемля нашим стонам,
Встречаешь время смут с оружием обнажённым,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.